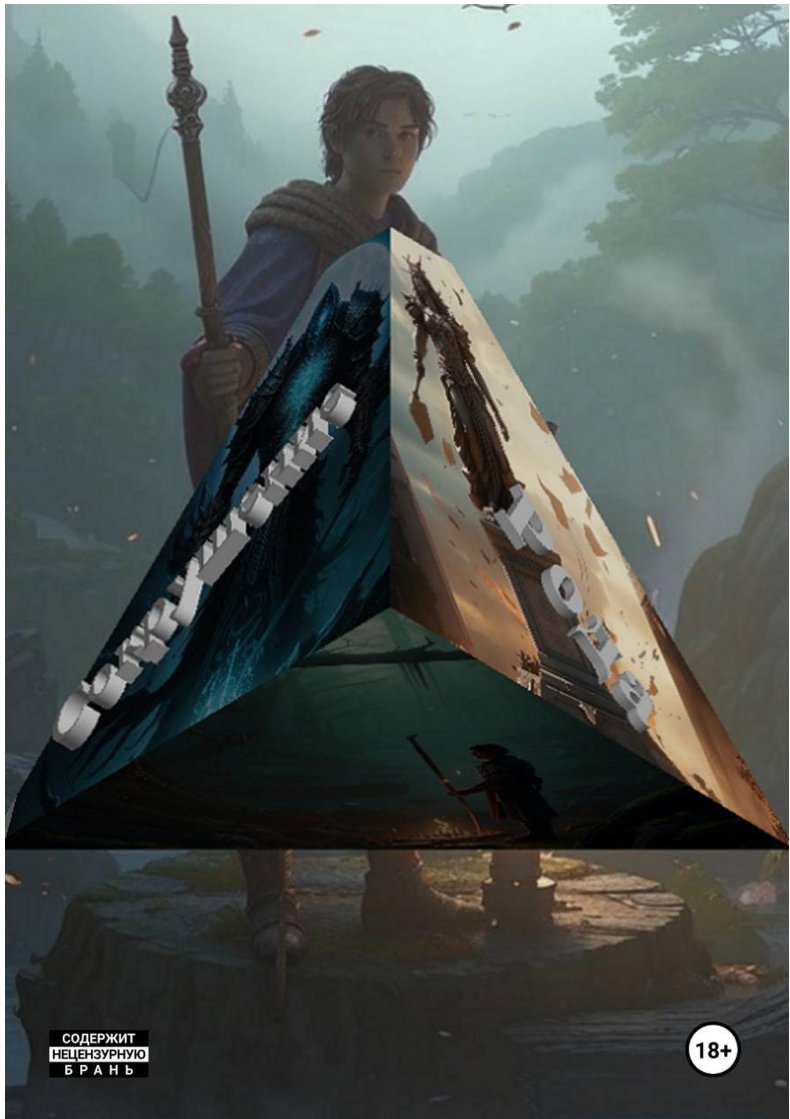

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Швецов

Сокрушение Рода

<https://litres.ru/73277304>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цикл романов в жанрах: русская потаённая литература, русская волшебная сказка, приключения, фантастика, фэнтези, юмор (чорный местами)), секс (откровенный)

Здесь главный герой оказывается в .. Тридевятом Царстве! А вот как он туда попал? В первой главе, первой книги) Но вернувшись домой оттуда .. ГГ осознаёт что это - скорее всего нереальное приключение .. но ..

Самое поразительное! в 6 главе, четвёртой (недописанной) книги - предсказано будущее России .. книгу писал в 2018 году .. а предсказание о 2022 году ..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Роман Швецов

Сокрушение Рода

Книга первая Ведьмина травка

Глава первая Наташка

Кажется я заблудился. Вот чёрт!

Я остановился и прислушался: сердце колотилось от частого дыхания, чуть слышно шелестели литья от ветерка на берёзах, да задумчиво поскрипывали сосны.

Отдышавшись, присмотрелся к соснам, пытаюсь определить северную сторону. Увы, стволы были одинаково гладкие со всех сторон. Небо было затянуто тучами, низко нависшими над кронами деревьев.

– Куда идти? – спросил я вслух.

– Туда – ответил кто-то.

Я оглянулся.

Никого.

Но показалось, что мелькнула тень меж деревьев.

Я затаил дыхание.

Прошла минута.

Только поскрипывание сосен да шелест листьев. Даже комаров не было.

– Мерещится что ли?

– Нет.

Ответил кто-то.

– Сюда иди.

Снова показалось, что меж деревьев мелькнула тень и стала удаляться

– Как скажешь.

И я пошёл в ту сторону, где, как мне показалось, растворилась меж деревьев чья-то тень.

Я шёл пытаюсь запомнить деревья, и стараясь шагать равномерно, чтобы не уклониться в сторону.

Минут через пять остановился и оглянулся: все деревья были на одно лицо.

– Он мой, Хозяин! Я вожу его с самого утра по лесу ...

– Это мой лес, Одноглазая! Значит и он – мой.

Вот те наа! Кто-то, скрытый от меня непролазной чащей из орешника, малины, и крапивы, спорил, с кем-то, решая чей я?

– Эй ребята! – средь бела дня не страшно – Может я сам решу с кем мне быть, а?

Что-то ухнуло и с треском повалилось.

Я съёжился и присел, втянув голову в плечи.

Но в чаще не шелохнулся ни один куст, и все деревья, во-круг, стояли на своих местах.

Холодный и скользкий страх заполнял грудь, а ноги будто прилипли к земле.

– Мил человек!

Я скосил глаза вправо.

В пяти, шести шагах от меня стояло существо, очень по-

хожее на человека.

Но оно не было человеком!

Лохматая копна на голове с травинками, листочками, и ягодами, запутавшимися в густых рыжих волосах. Светло-голубые, как выцветшее летнее небо, глаза. Густые, словно мох, нависшие брови. Босой, со сбитыми шишковатыми пальцами. В какой-то хламиде не то из веток, не то из трав.

– Ты кто, мужик?

– Мил человек, тебе надо уходить отсюда, пока она не очухалась. Вона тропинка. Ступай по ней.

Я огляделся.

Слева от меня, весело петляя, уходила в лес тропинка, которой, и я это помнил, пять минут назад не было.

– Это мои тропинки. Люди их не видят, пока я не покажу. Я за тобой хожу с утра, как ты в лес вошёл. Ни одну веточку не сломал. Ни одного мухомора не пнул. Таким я помогаю.

– «Леший?!»

– Да, людской род так меня называет. Но местные кличут Хозяином.

– А там кто?

Из-за кустов доносилось сопение и кряхтение, как будто боролись на земле.

– Баньша. Люди зовут её Лихо. Уходи, я ещё задержу её немного. Иди быстро, не оглядываясь, и не останавливаясь. Там! – он махнул мохнатой рукой – Там тебя встретят и помогут выйти из леса.

Он исчез, я не успел моргнуть глазом.

Не растворился. Не растаял. Исчез, как исчезает воздушный шарик, когда ткнёшь в него иголкой.

Я бежал по тропинке и считал сосны. А они встречались всё реже и реже.

И наконец, вместо сосен, сначала по одной, а потом стайками, пошли осинки.

Сзади что-то ухнуло, и я прибавил скорости. И, почти сразу же, уткнулся в кустарник из малины, смородины, шиповника, лабазника и крапивы, так густо сросшихся, что не было даже просвета в сплошной зелёной стене.

Я осмотрелся.

И влево, и вправо уходила зелёная стена, насколько хватало глаз.

Опять ухнуло за спиной, но уже ближе и отчётливее.

Прикрыв левой рукой глаза, а правой сдвинув в сторону стебли, я шагнул.

Уже горела и чесалась, обожжённая крапивой, и исколотая колючками шиповника, правая рука, и всё настойчивее долбилась в темечко мысль – «Верниись!! – когда, в очередной раз обжегшись крапивой и ругнувшись, я вышел из чащи, и оказался на небольшой лужайке.

Передо мной расстилалось болото!

– Послаал, Хозяин. Ну спасибочки.

И решительно развернувшись, обмер.

Зелёная стена исчезла, а вместо неё простиралось, сколь-

ко хватало глаз, болото.

– Морок, наваждение – я протёр глаза, но болото не исчезло.

– Не морок, и не наваждение – проскрипел, кто-то, за моей спиной.

Я обернулся.

Передо мной стояла древняя старуха, опираясь руками на клюку, с горбом, выпирающим из лопаток. Лицо тёмное, как запечённая картошка, всё в глубоких, не морщинах даже, бороздах, с огромным, не по лицу, крючковатым носом, с выцветшими белёсыми глазами, и пепельно-серой гривой волос, нечёсанных лет эдак двести.

Ни дать, ни взять Баба Яга!

– Ведьма – проскрипела она – не обманул Лешак. Я помогу тебе. Но ...

Сузив маленькие глазки, она, снизу-вверх, пристально взглянула в мои.

Показалось или нет, но в суженных, до щёлок, глазах, бесновалось зелёное пламя.

– Ты должен поцеловать меня, мил человек. Ведь я, с мушщиной, уже лет триста не целовалась.

В голову лезли сцены из «Вия», но выбора не было. И зажмурив глаза, и притянув её за плечи, чмокнул в губы.

Они были сочные, как спелая малина и источали медовый аромат.

Я открыл глаза.

На меня смотрела молодая женщина, с чёрными, как смоль, выющимися и ниспадающими, на обнажённые плечи, волосами. В глазах сияли изумруды. Аккуратный и, по озорному, чуть вздёрнутый носик, морщился. Кожа цвета слоновой кости. Загар, или смуглость? А на груди, и округлых бёдрах, какие-то повязки, то ли из мочала, то ли из трав.

Я обомлел, а она расхохоталась.

– Не ожидал? – она, с усмешкой, смотрела на меня – А теперь я тебя поцелую.

И ведьма, обняв меня, впилась, своими сочными губами, в мои.

Дрожь пробежала по телу, и зашевелился член, наливаясь кровью.

Она отстранилась – Хочешь?

– «Она ещё спрашивает, но ...»

– Знаю о чём ты подумал. У ведьмы, для тебя, есть кое-что.

Она подняла левую руку, и развернула ладонь.

На ладонке лежали два стебелька, тёмно-зелёного цвета.

– Съешь один стебелёк, вырастет на вершок. Съешь два – на два вершка. Сколько?

– Пять!

Она хмыкнула и подняла правую руку.

На ладонке лежали три стебелька.

– Ешь!

Я осторожно взял стебелёк и поднёс ко рту.

– Что ты медлишь? Если бы я хотела навредить, уже давно сделала б своё чёрное дело. Ешь!

Я коснулся стебелька губами и он, тут же, оказался во рту, и растаял на языке.

Привкус был горьковато-сладкий, как у переспелой, и подвявшей земляники.

Внизу шевельнулось и затяжелело.

Я наклонился к её ладони и слизнул второй стебелёк.

Член, удлиняясь и тяжелея, возбуждался, наполняясь кровью.

Губы пересохли, дрожь в теле нарастала, переходя в похотливый озноб.

Я слизнул с правой ладошки стебельки, один за другим.

Член рос и рос, выпирая трико.

– Снимай штаны! Я уже изнемогаю.

Увлечённый происходящим, я не смотрел на ведьму.

Она была голая!

Груды, упругие и полные, как накачанные мячи, двоились и манили торчащими сосками. Бесстыдно раздвинутые ноги и, чёрный треугольник, между ними.

Я застонал от вожделения и лихорадочно, дрожащими, от нетерпения, руками, стал стягивать трико.

Не тут-то было!

Мне пришлось тянуть резинку трико аж до груди. И только тогда я смог снять его. Снял трусы, и переступил.

Ведьма вспрыгнула ко мне на грудь, опираясь руками о

плечи.

Испугавшись, что мы оба завалимся в болото, я напрягся и подхватил её.

Но ведьма показалась лёгкой, как пушинка!

Опираясь руками о мои плечи, она приподнялась.

И насадилась.

Я сжимал её ягодицы, а она оседала, закусив губу. Член, медленно, погружался в её плоть.

Соппротивление возросло.

– Помогай! – прохрипела она.

И я, впившись пальцами в бёдра, натягивал.

Вдруг я почувствовал, что член вышел из ведьминого тела!

Меня передёрнуло, и скользнув рукой по её ягодицам, нащупал пальцами член, торчащий из её жопы!

– О чёрт! Чёрт! Я проткнул тебя!

Из-под мышек заструился холодный и липкий пот.

Я отвёл в сторону руку и посмотрел.

Крови не было.

Ведьма, наблюдавшая за мной, отстранилась и дико захотала.

От этого хохота, по всему телу побежали мурашки, а на голове шевельнулись волосы.

Она, обвив мою шею, покачивалась на члене.

– Ты разве не знал, что у ведьмы так? Трахаешь в пизду, а член торчит из жопы. А если в жопу, то из пизды.

– Откуда мне было знать, Наташка?

Я осёкся, а у ведьмы заблестели глаза.

– Ты дал мне имя. Я обожаю тебя.

Она нежно прижалась ко мне и поцеловала.

А у меня уже свербило внутри, проверить то, что она сказала.

– Ддаваай! – вскрикнула она и соскочила.

Глава вторая Туман сгущается

Она стояла наклонившись и раздвинув ноги, и двигала попой из стороны в сторону, и сверху-вниз.

– Ну что же ты! Суй уже!

Любуясь её формами, я чуть не позабыл, зачем она спрыгнула.

Я отклонил член, целя Наташке в попу. А она, медленно пятясь назад, наткнулась и прижалась к нему анусом.

Ведьма замерла. А я медленно, плавными тычками проталкивал член.

Она тужилась, краснея ягодицами.

– Помогай!

И я натягивал ведьму, содрогаясь от наслаждения.

– Ааааа, вот он родимый!

Я не почувствовал, как член вышел из неё.

А Наташка уже дрочила его, ёрзая промежностью.

– Даваай! Двигай! Даваай!

Она подпрыгнула, упираясь и отталкиваясь от меня нога-

ми, и изогнувшись словно змея, припала к члену и сосала, и лизала с таким усердием, что я от наслаждения впал в оргиастический транс.

Дальше всё происходило, как в тумане. Передо моим лицом мелькали её ноги, груди, попа. Соскочив, и насадившись передом, она медленно двигалась. Член погружался и не выходил из неё. Я излился пульсирующими толчками. Наташка затихла, и повисла на мне.

Мы лежали на лужайке.

Член опал и ужался до обычного своего размера. Лицо Наташки зарозовело, глаза закрыты, на губах улыбка.

– Тебе пора, скоро стемнеет.

– И часто ты даришь мушкетерам эту травку?

– Мушкетеры не было лет триста.

Она навалилась на меня грудями и всматривалась в лицо.

– Тебе пора – повторила она, и встала

Я встал.

– Одевайся.

Я взял одежду. Она смотрела, как я, медленно и нехотя, одеваюсь.

– Знаю дорогой, о чём думаешь. Но дольше, тебе, оставаться нельзя. Садись.

Ведьма наклонилась, подставив спину.

Я уселся на ведьму.

– «А держаться то как?» – подумал я.

– Приклонись, обхвати меня.

Глава третья Царица Тридевятого Царства

Мы летели чуть выше крон деревьев.

Лес кончился и пошли поля, а потом, под нами, заблестела, в лунном свете, водная гладь.

– Я не мог так далеко уйти?

Её голова, развернувшись на сто восемьдесят градусов – обратилась лицом ко мне.

Я отшатнулся.

– Она оскалилась, довольная произведённым эффектом.

– Ты попал в Тридевятое Царство.

– Как я мог в него попасть? Я блуждал часа два с половиной, не больше. И я не пересекал моря!

– А чаща?

– Вода под ногами не хлюпала.

– Ты переместился в Тридевятое, когда заблудился.

– Как я мог заблудиться в лесу, знакомом с детства?

– Я и сама не понимаю, как это произошло. В сказочный мир, из мира реального, можно попасть, только пройдя через мир серый ...

Мы резко пошли вниз.

Приземление было жёстким, и кувырнувшись через её голову, я покатился по траве.

– Что?

– Ты почти дома. Вон твоя деревня.

Я осмотрелся.

Впереди, шагах в пятидесяти, проходила трасса. За трас-

сой, километрах в полутра, светилась, редкими огоньками, деревенька.

Моя деревенька.

– Ты что-то недоговариваешь.

– Твоё появление, в Тридевятом царстве, не случайно.

Но её страх не передался мне. Вокруг был мир, привычный и неизменный с детства. Я притянул Наташку и обнял.

Ведьма вздрагивала.

– Мне пора – отстранилась она.

– Но ты ничего не объяснила.

– Расскажу. Потом. Мне нельзя надолго оставлять своё царство.

– Твоё?

– Да. Я царица Тридевятого царства. Пока мой сладкий. Скоро свидимся.

Она приподнялась над землёй и зависла, словно дразня своей наготой. И описав круг, взвилась вверх по спирали, и исчезла.

Я перешёл через трассу, и полевой дорогой пошёл к своей деревеньке. Было темно. Поле дышало ночной прохладой. Теперь, подходя к окраине деревни, я терялся в сомнениях. Приключившееся со мной не вписывалось в мою обыденную реальность. Всего лишь полчаса назад, я сидел на Наташке верхом, и мы летели высоко над землёй. Но ведь это невозможно! Я даже остановился. До крайнего дома деревни шагов тридцать. Я обернулся. По трассе, высвечивая ночь све-

том фар, ехал междугородный автобус. Я подходил к отцовскому дому и уже почти не терзался сомнениями. И Леший, и ведьма, и секс, и травка ... Травка. Я вспомнил, что блуждая по лесу с корзиной, захотел пить. Но воды, с собой, у меня не было. За лесом пробежала речушка. Но надо было выйти из леса. А я только начал грибную охоту, и возвращаться не хотелось. На глаза попался щавель, и я сорвал несколько листов, и стал жевать. Сначала вкус был с кислинкой. А потом ... Я усмехнулся. Вот оно что. Вот когда я съел ведьмину травку с привкусом переспелой, и подвявшей земляники. Что же это было? Может я не заметил, и вместе со щавелем сорвал стебелёк какой-то травки.

Открывая калитку и заходя в ограду, я уже не сомневался, моё сказочное приключение – всего лишь глюк.

Конец первой части книги первой

Тридевятое царство

(часть вторая книги первой)

Глава I Встреча

Прошло три месяца.

Тот день в лесу и тот глюк, в моём сознании несколько не померкли. У меня не было глюков до того дня. И за прошедшие три месяца, после – тоже. Поэтому я не знаю как, видения глюка, изменяются со временем. Мой .. не изменился. Абсолютно! Со снами так не бывает. Ну да есть сны, которые врезаются в память на всю жизнь. И у меня были такие. Но со временем остаётся только суть: квинтэссенция,

сгусток, смысл. А детали стираются. С глюком не так. С моим, по крайней мере. И спустя три месяца – я отчётливо всё помнил. И картинки оживали перед моими глазами, стоило мне закрыть их и начать вспоминать. И это не давало мне покоя. Это смущало и давало пищу для сомнения: а вдруг – это, было не глюк? И ещё одно, не знаю даже как это назвать, мешало мне отмахнуться от того видения и попытаться забыть. Это произошло на следующий день, после моего лесного приключения.

Когда я вошёл в дом, отец ждал меня на кухне, читая какую-то книжку.

– Сынок – он снял очки – я уже стал беспокоиться.

– Пап, встретил одноклассника. Десять лет не виделись. Разговорились. Ходили по деревне, вспоминали детство.

Я врал. Но не мог же я рассказать отцу о своём секс-приключении?

А утром и случилось то, что мешает мне просто отмахнуться.

Меня разбудила назойливая муха. Ладно бы она билась в стекло окна и жужжала. Нет же! Эта настырная муха садилась на моё лицо и нагло по нему ползала! Пару раз отмахнувшись, я разозлился. И когда она, в очередной раз, примухилась на мой лоб и поползла ... На самом деле, муха – не ползает. Она перемещается. Причём рывками. Пробежит пару сантиметров .. остановится .. почешет лапками брюшко и мордочку .. снова рывок на пару сантиметров, и ведь не по

прямой! Перебежки – зигзагами. В общем я попытался поймать муху .. На столе, на стекле или на стене – это просто: заводишь руку и смахиваешь ладонью, одновременно сжимая в кулак. Кося глазами я смахнул. Не поймал. Она улетела. Но через пару секунд, как пикирующий бомбардировщик, врезалась в мой лоб и отскочила! Может эта муха тоже отведала травки? И глючила. Не знаю. На её манёвр я сморгнул. Мне показалось что обезумевшая муха метит в глаз .. но муха застыла в воздухе, на расстоянии пяти-шести сантиметров от моего лба .. я, ни о чём не думая, двинул рукой и поймал муху, зажав в кулаке. Поймал? Конечно громко сказано. Я, её – просто взял. Но дошло это до меня, когда муха ожила в моём кулаке и затрепыхалась. Я разжал кулак .. муха выпорхнула .. я сморгнул .. муха застыла .. я взял её и зажал в кулаке .. – Чёрт! Это ещё что такое?

Я разжал кулак. Муха выпорхнула. Я не сморгнул. Муха улетела и больше не появлялась.

Спать расхотелось.

Ну что сказать? Я был сбит с толку. Вот что.

А теперь вернёмся к тому, с чего начали.

Итак, прошло три месяца.

На дворе был сентябрь, начало второй декады.

На полях совхоза шла уборочная, а в огородах, сельчане, копали картошку.

Приехал и я из города к отцу, помочь с огородом.

В общем то копал я один. Отец был на работе, хотя пошёл

уже десятый год его пенсионного стажа.

Картошкой были засажены все шесть соток. После ухода матери из этого мира, отец сажал на огороде одну картошку.

Я только начал, выпавшись и вылежавшись аж до двенадцати часов дня.

Подкопав вилами несколько рядков, я выбирал картошку из кустов и раскладывал по вёдрам: крупную и мелкую.

День был пасмурный, но тёплый и даже немного парило под низко нависшими сизыми тучами.

Скрипнула дверь туалета (деревенского/деревянного) и периферийное зрение уловило движение.

Я выпрямился и повернулся .. ко мне шла Наташка .. ведро выскользнуло из руки и глухо стукнувшись о землю донышком, звякнуло дужкой.

Она была прекрасна. Но под глазами залегли тени, носишко заострился, на щеках и на лбу проступали пигментные пятна, и мне показалось что её округлые формы несколько сгладились.

Я судорожно сглотнул комок, подкативший к горлу.

– Я беременна .. – её губы шевелились, но голоса не было.

Скрипнула и хлопнула калитка. Сосед из дома через дорогу, дядя Митя, шёл к нам.

– Здравствуйте – он кивнул Наташке и протянул мне руку.

– Ну ладно, Наташ – я пожал руку – Иди в дом и отдохни с дороги. Я сейчас.

Она пошла к дому.

– Что за баба? Красивая. И беременная, вроде. Не ты ли обрюхатил, Ромка?

– Это двоюродная сестра из Самары, дядь Мить.

– Аааа, по отцу?

Я кивнул.

– Похожа.

Наверное прикалывался.

– Чё хотел, дядь Мить?

– Да вот – он держал в руке рычаг стартёра от мотоцикла – можно вот так – он провёл пальцем по сгибу – отрезать, и вставить сюда пруток. Нуу – он свёл большой и указательный пальцы, оставив зазор сантиметра на три-четыре – сантиметра четыре, и сварить? Задеваю пяткой за глушитель. Уже раза два отваливался. Летом то в босоножках. А сейчас в сапогах – и посмотрел на свои ноги – У меня ж лапищи сорок пятого размера. Ну чё Ром, получится?

– Конечно. Давай дядь Мить. Сделаю.

– Батя на работе?

– Да.

– На обед то придёт?

– Вот-вот должен подойти.

– Ну ладно, иди, а то сеструха ждёт.

Она сидела в зале, на диване, и смотрела телевизор.

– А у вас то что творится?! – Наташка полуобернулась ко мне – В штатах теракт. Взорвали башни-близнецы. Самолёты врезались, а третий не дотянул до Пентагона ..

Я остоленел-завис .. и наконец придя в себя – Теракт? Пентагон? Штаты? – и замотал головой – Ничего не понимаю.

– Что ты не понимаешь?

– Ты же из ненастоящего, выдуманного, сказочного мира. Мира – которого нет на самом деле.

– Ненастоящего! Выдуманного! – она встала и подбоченилась. Глаза полыхнули зелёным пламенем – А трахал и вертел на хую, ты – ненастоящую?! – она хлопнула ладошкой по муньке – А это? – и погладила живот – Тоже ненастоящее??

Мне стало стыдно .. и я не нашёлся что ответить.

Она подошла и обняла – Понимаю. Тебе, в шесть лет осознавшему что сказочного мира не существует, теперь очень трудно поверить в то что мир, который ты считал выдуманным, не менее реален чем мир твой – она чуть отстранилась и поцеловала меня – Мне было плохо .. без тебя – и её губы задрожали.

– Пойдём, я хоть чаем тебя напою, Наташа

Наташка замотала головой – Нет-нет, надо возвращаться и ты .. со мной.

Я опешил – Каак? Сразу?

– Да.

– Ааа .. – мысли разбежались .. и я никак не мог сосредоточиться.

Она улыбнулась – Мой мир волшебный. И время, которое

ты проведёшь в нём, не привязано ко времени в мире этом. Когда ты выполнишь миссию в моём мире, сколько бы времени тебе на это не потребовалось, в этот мир ты вернёшься в тот же день, в тот же час, и в ту же минуту.

– Время, здесь, остановится, пока я буду там?

– Нет. Время, здесь, остановиться не может. Но мир тот, для мира этого как бы не существует. А значит и время, в том мире, для мира этого как бы не существует.

– Ты обиделась, когда я сказал ..

– Не существует, для человека из мира реального, до тех пор пока человек не попадёт в мир сказочный. Как ты.

Я запутался и махнул рукой.

– Постепенно всё поймёшь. Переодевайся, нам надо спешить.

– А как одеваться?

– Да как тогда. Там я уже подберу одежду.

– А курточку? Сентябрь на дворе.

– Не надо. В Тридевятом Царстве зимы не бывает. Она есть конечно, но не каждый год.

Я переоделся в трико и тельник. Обулся в кроссовки. Мы вышли во двор.

– Мы опять полетим?

– Да.

– Нас же увидят.

– Ну и что?

– Как что .. меня ж потом задолбают вопросами.

– Мы уже в другом мире .. посмотри ..

Я огляделся. Вокруг были те же дома. И на огороде торчали, воткнутые в землю, вилы. И небо, затянутое тучами, нависало над землёй. Но что-то .. изменилось. Не сразу, но я разглядел что. Мир, вокруг меня, словно бы выцветал, становясь, с каждым мгновением, всё бледнее и бледнее.

– Садись – Наташка наклонилась, подставляя шею.

– Неэт! Ты же беременна

– Ну хорошо-хорошо ..

И она оседлала меня. И мы взмыли вверх, описав крутую дугу по спирали.

Я глянул вниз .. но под нами были только тучи.

Редакция 05.01.26

Глава II Склад артефактов

На этот раз мы летели каким-то другим маршрутом: ни водной глади под нами, ни степи, ни тайги – не было. Только плыли облака и, в разрывах под ними, мелькали ущелья с реками и зелёные склоны гор. Было довольно прохладно, но Наташка, обняв меня, согревала теплом своего горячего тела.

В сумерках мы опустились на крышу какого-то замка.

Было тихо, и нигде ни огонька. От покрытой черепицей крыши исходило тепло. Ласковый ветерок нёс ароматы луговых трав, и в кустах, в саду, мелькали светлячки.

Наташка шла по крыше, присматриваясь к дымоходным трубам.

– Вот она!

Я подошёл и прислонился к трубе.

– Эта труба в камин, в моей опочивальне. Лезь в неё и спускайся.

– А по-другому никак нельзя?

– Нет. На дверях опочивальни стоит стража, и может зарубить. Тебя.

– Ааа ...

– На входе тоже стража – предупредила она мой вопрос.

– А те, что на входе, не зарубят?

– Зарубят.

– То есть, меня зарубят ещё до того, как я доберусь до двери опочивальни?

– Ну да.

– А нельзя было сразу сказать?

– Не придирайся. Я всё-таки беременная. Полезай.

– Там же сажи полно. Где я потом отмоюсь?

– Нет там сажи. В моём царстве, зимы, уже семь лет не было. А дымоходы, главный трубочист, чистит каждый год.

– В конце, или в начале?

– Ром, ты не хочешь со мною спать?

Я полез в трубу.

Сечение было просторное, и опираясь ногами, и держась руками о выступающие из кладки кирпичи, я осторожно спускался.

Лунный свет сверху перекрыла чья-то тень, и я задрал го-

лову.

В дымоход лезла Наташка.

– Ты то зачем? – зашипел я.

Наташка ойкнула и вылезла из трубы.

– Ладно, будь осторожен. Не сорвись. Пойду стражу рас-
пущу.

Я благополучно спустился в камин и прислушался.

Тишина.

Послышались голоса, доносящиеся с правой стороны, ви-
димо от двери в опочивальню. Выделялся женский, и тон
был царственный. Потом всё затихло.

Заскрежетал ключ в замке и дверь, со скрипом, отвори-
лась.

Я затаил дыхание.

Через несколько секунд, также со скрипом, дверь закры-
лась.

Со скрежетом повернулся ключ.

– Роом! Ты гдеээ?

Я выбрался из камина.

Было темно и душно.

– Окно то хоть есть в твоей опочивальне?

– Конечно. Но давай, сначала, закроем дверь на засовы.

– А зачем? Кто-то может прийти? Ты кого-то боишься?

– Ром, это Волшебная страна, и она живёт по своим зако-
нам. Иди, и помоги мне.

Я подошёл к двери.

– Пошарь рукой у стены, там должны лежать два засова.
Я открою окна.

Я нащупал засовы, и задвинул их в петли на стене.

Наташка распахнула створки двух окон.

Дохнуло прохладой летней ночи, и даже показалось, что стало немного светлее.

Мне хотелось осмотреть опочивальню, но Наташка не разрешила.

– Утром осмотришь. А сейчас, спать.

Кровать стояла посреди опочивальни и была, наверное, десятиместная.

Я присел на край и стал раздеваться.

Наташка раздевалась стоя, сбрасывая с себя одежду.

– Стражу всю распустила?

– На воротах оставила.

Она присела рядом.

– Как же мне тебя завтра представить своему народу?

– А народу много в твоём царстве? А царство то большое?

– Сказочное царство – это одна большая деревня, или небольшой городок. Впрочем, разницы никакой. А народу (?), душ триста наберётся.

– А перепись ты не делаешь?

– А зачем? Они же все бессмертные.

– По-настоящему бессмертные?

– Да нет.

Она усмехнулась.

– Персонажи сказок бессмертные. А люди – она вздохнула
– люди смертные. Давай спать, я сегодня что-то устала.

Мне тоже хотелось спать.

– Но ты не решила, как меня представить?

– Ах, даа ...

– А что, ты не можешь представить меня сразу, как мужа?

Она покачала головой.

– В сказках так не бывает. Чтобы стать достойным моей руки, и моего сердца, ты должен совершить много-много сказочных подвигов.

– А меня могут убить?

– Наверное могут. Но ты не сказочный персонаж. Пришелец.

Она вздрогнула и прижалась ко мне.

– Ты пришёл через мир Серый, и это меня пугает.

Наташка молчала, задумавшись.

Молчал и я.

– Да, и не называй меня, при народе, Наташкой.

– А как же мне называть тебя?

– Так и называй – моя царица. Или – моя несравненная царица. Или – Ваше сиятельство.

– Это понятно. Но у тебя же есть имя?

Царица молчала.

А меня озарило.

– А может ты вовсе и не ведьма? И не царица. А может ты Василиса Прекрасная. И у тебя есть муж. Кощей, похи-

тивший тебя, и принудивший к замужеству. А где-то, по полям, уже скачет на Сером Волке Иван-царевич, чтобы вызвать тебя из плена, и сразившись с супостатом в смертельной схватке, отпилить, наконец, его стальные яйца, специально для этого, зазубренным мечом!

Я замолчал и глянул на царицу.

Она сидела, закрыв руками лицо. Её плечи вздрагивали.

Я приобнял царицу, и осторожно отвёл руки от лица.

Наташка, заваливаясь на спину, хохотала в голос.

Я лёг рядом. Положив руку на её живот, скользнул вверх, и мял груди.

– Наташ, дай травку.

– Зачем? Ну ка!

Она сдвинула мою руку, и прижала к лобку.

– Сунь пальчик!

Я ввёл палец в вагину, и вскрикнул от резкой боли. Ощущение, как будто укусила.

Я тряс кистью и дул на палец.

Она потянула меня, и я лёг на неё.

Наташка резко выгнулась, подбросив меня. А когда я, опускаясь, коснулся животом её живота, насадилась одним движением!

В коридоре слышались шаги. Шаги, не совсем верно. Как будто бухали по полу, и пошкрябывали.

Мы замерли ...

Буханье и шкрябание стихло у двери опочивальни. В

дверь постучали.

– Дорогая – задребезжал голос – я пришёл исполнить свой супружеский долг.

Наташка, сбросив меня, вскочила, и заметалась по спальне, подбирая разбросанную одежду.

– Блядь-блядь-блядь! Кто опять выпустил этого мудозвона?

– Кто это?

– Да Кощей же! Муж! А ты чё сидишь?

Она прыгала на одной ноге, пытаясь попасть, другой, в штанину моего трико.

– А что я должен делать?

– Прячься!

– Куда?

– Под кровать. Или в шкаф. За камином.

Я встал, и представив как будет скрипеть кровать, пошёл к шкафу.

Наташка уже шла к двери.

– Там есть одежда. Оденься. На всякий случай.

В дверь постучали второй раз.

– Дорогая, я пришёл исполнить свой супружеский долг.

Затрещали, вытаскиваемые из петель засовы.

Нашаривая одежду, я натягивал её на себя.

Заскрежетал ключ в замке и дверь, противно заскрипев, отворилась.

– Дорогая – задребезжал голос ...

– Какой на хрен секс? Мудозвон старый! У тебя уже триста лет не стоит!

– Дорогая – дребезжал Кощей, направляясь к кровати. Ржавые суставы жутко скрипели.

– Это какой-то балаган!

Не выдержал я, и вылез из шкафа.

Кощей стоял у кровати.

Между ног болталась оболочка, когда -то могучего члена.

Наташка стояла в коридоре.

– Стража! – она несколько раз хлопнула в ладошки.

– Что ты хлопаешь? Ну что ты хлопаешь? Ты же распустила стражу!

– А это кто, дорогая?

Я подошёл к Кощей, и подхватив под ржавый локоть, потянул.

– Пойдём дедушко.

– Ты кто?

– Дед Пихто. Идём дедушко, ты ошибся дверью.

– Знаю. Знаю тебя. И бабуку твою, Никту, тоже знаю. А куда ты меня ведёшь?

– Дедушко, это мой номер. Это моя тёлка. А ты ошибся дверью. Сейчас мы выйдем в коридор, и найдём твою опочивальню.

Мы вышли в коридор.

– Направо-направо, и до конца по коридору, а там ступеньки вниз идут, и в конце дверь в темницу – шептала на

уху Наташка, прячась за моей спиной – Втолкнёшь его в темницу, запрёшь дверь на засовы и вернёшься.

Я всё так и сделал.

Кощей не сопротивлялся, и больше ни о чём не спрашивал.

Когда я вернулся в спальню, голая Наташка лежала поверх одеяла, раздвинув ноги.

– Иди ко мне, мой сладкий, я дам тебе травку.

Я подошёл и сел рядом.

В голове крутилось одно и то же – "Какой на хрен секс! Какой на хрен секс!"

Я взглянул на Наташку – А правда, как ты себя удовлетворяла триста лет?

Она свернулась калачиком, подставляя моему взору попку.

И хотя попка была очень соблазнительная, но я чувствовал, что спектакль ещё не окончен.

– Наташка? – я тронул её плечо.

– Мастурбировала.

– Пальцем? Клитор?

– И клитор, и влагалище, и анус. Ты не хочешь травку?

– Хочу, но не сейчас. Давай всё-таки решим, как ты меня завтра представишь народу.

Наташка села.

– Принцем. Заморским принцем. Ты ведь, по сути то, и есть заморский принц. Только одна проблема у нас: как зав-

тра, с утра, незаметно выставить тебя за ворота, да найти коня? Ведь заморский принц должен подъехать к воротам на коне, и постучать в них копьём или алебардой, и грозно закричать – Отворяйте ворота! А не то я их разнесу!

Наташка хихикнула.

Но хоть и старалась она выглядеть беспечной, я понимал: проблема, действительно, очень серьёзная.

– Милый, ты найдёшь выход – она погладила меня – теперь я в этом не сомневаюсь.

Меня, вдруг, осенило – А есть в твоём царстве шапка-невидимка?

Наташка аж подскочила.

– Ой, как же я забыла то об этом!

Она встала, и натянув мою одежду, сунула руку под матрац. Пошарив под ним, извлекла связку ключей.

– Пойдём!

– Наташ, может мы поменяемся одеждой?

Она взглянула на меня и зажала рот рукой.

Я был в женской исподке.

Переодевшись, мы вышли из опочивальни.

– Налево – сказала Наташка, и мы пошли.

Отсчитав двери, она остановилась.

– Вот!

Ключ в замке не скрежетал. Дверь не скрипела. Мы вошли.

Комната была разделена проходом на две половины, и у

стен стояли столы.

На столах что-то лежало. Часть предметов висела на стенах.

Наташка шла, и приглядываясь, шарила руками, ощупывая предметы.

– Вот она!

Я подошёл. Наташка держала в руках ... Шапка, не шапка. Во! Берет.

Помещение было без окон, и рассмотреть берет я не смог. Ну и проверять было бессмысленно. Темень. Мы двинулись к двери. Наташка впереди, я следом.

– Жаль что темно.

– Завтра осмотришь.

Раздвинув руки, я скользил кончиками пальцев по предметам, и они распаляли моё воображение. Наташка уже стояла у двери, когда моя правая рука наткнулась на предмет.

Я остановился, ощупывая предмет, и моё изумление нарастало – Что за чёрт? Палка какая-то?

– Какая-то – хмыкнула Наташка – Волшебная.

Я замер – Волшебная? – и взял палочку. Она легла в руку, как член ложится в руку онаниста со стажем!

Я провёл по ней пальцами. Гладкая, будто отполированная. Что-то смутное промелькнуло в голове, но я не успел зацепиться.

– А откуда она у тебя?

– Была у меня искусная рукобл ... дельница.

– Была?

– Да. Переманили её в Тридесятое Государство. Наобещали с три короба: и полный соцпакет, и ставку в три раза выше, и восьмичасовой рабочий день, и Живую и Мёртвую воду за вредность, и отпуск двадцать четыре дня – Наташка передохнула – Ну она, уши то, и развесила. Дура.

– А назад, к тебе?

– Кто попал в Тридесятое Государство, вернуться, обратно, уже не может.

– А научишь её пользоваться? Какие слова нужно произнести?

– Дай – Наташка шагнула ко мне, взяла палочку, и взмахнув, произнесла – Палочка, сделай Царице приятно.

Палочка вырвалась из её руки, и юркнула вниз. Наташка охнула, и присела. Ещё не осознавая что происходит, я хотел подхватить Наташку и удержать, но ... Она часто задышала, опустилась на колени, и застонав, кончила.

– Довольно! – выдохнула Наташка, и подхватила палочку, вывернувшуюся из-под исподки.

Хоть и мало чего я увидел, но её частое дыхание, и стон возбудили меня – Так это твой мастурбатор?

– Идём – она положила палочку на место, и взяла меня за руку.

Мы вернулись в опочивальню, и заперев дверь на засовы, повалились в кровать не раздеваясь.

– Спать! Утро вечера мудренее.

Глава III Шапка-невидимка

Истошно голосил петух, казалось над самым ухом. Я за-
сунул голову под подушку, намереваясь спать дальше.

– Роом! – кто-то тербил меня за плечо – Вставать надо,
пора уже.

В одно мгновение промелькнули сцены из вчерашнего
дня, и я отшвырнул подушку.

На кровати сидела, и смотрела на меня русоволосая, с тя-
жёлой косой до пояса, голубоглазая женщина сказочной кра-
соты. Я зажмурил глаза и потряс головой.

– Не узнал?

Я открыл глаза – Наташка?

Она засмеялась и обняла меня – Вставай мой принц, скоро
солнышко взойдёт.

Я потянулся до хруста в суставах и сел на кровати. Спаль-
ня была просторная, кровать стояла посреди комнаты. У сте-
ны, под одним из окон (два окна), стоял стол, и два табурета
возле. Камин, шкаф и больше ничего.

– «Скромно». А где туалет?

Я встал и подошёл к столу. Столешница была инкрусти-
рована лубочными картинками на мотивы русских народных
сказок, и покрыта лаком. Табуреты простенькие, но, я сел на
один, прочные и удобные. Русоволосая красавица молча, с
улыбкой, наблюдала за мной. Я поймал её взгляд. Она смот-
рела на торчащий член.

– Ссать хочу! Туалет где?

– Удобства на улице – хихикнула красавица.

– Я щас обоссусь!

Она встала на колени, и вытащила из-под кровати глиняный горшок – Иди, ссы!

Я подошёл и стал ссать. Брызги летели на сарафан, и на лицо царицы. Закончив, и встряхнув член, я сел на кровать – А ты?

Она поставила горшок на пол, и задрав сарафан, и приподняв попу, стала писать. Моча лилась с шумом и пенилась. И я не удержался. Коснувшись ладонью ягодиц, водил пальцем по промежности и щупал её.

Пописав, и подтеревшись подолом исподки, она подошла к окну, и выплеснула мочу. Подержав, перевёрнутый горшок, в вытянутой руке, вернулась к кровати и задвинула его назад.

– Примерь-ка шапку?

Она держала в руках берет. Сначала мне показалось, что он краповый. Я осторожно взял шапку из её рук, и повертел. И стало понятно, почему похоже на краповый берет. Это была, очень искусно вышитая (видимо, той же рукобдельницей), шляпка мухомора. Только размером больше.

Я поднёс её к голове и, нахлобучив на макушку, слегка потянул за тулью. Берет, с сухим треском, разорвался пополам. Наташка охнула, всплеснув руками, и покачала головой.

Я смотрел на половинки шапки у меня в руках – А запасной нету?

– И-и. Что ж теперь делать то?

– Что-что! Сшивать.

– Я не смогу. Нужна рукобл ... дельница.

– Тогда склеить. Есть Момент?

– И-и, нету.

Я поднял половинки шапки к голове, наложил на макушку и свёл половинки, совмещая по линии разрыва. Наташка ойкнула, и я понял, что шапка, даже разорванная, своих волшебных свойств не утратила. Я раздвинул половинки.

– А может к голове приклеить? Руки то мне нужны будут. Есть ПВА?

– И-и. Столярный.

– Столярный? – я дотронулся до головы, Наташка хохотнула – Нет, столярный не пойдёт. Я её потом отдирать буду вместе со скальпом – Чё ж делать то? Слушай, а молоко есть в царстве?

– Только козье. КРС не держим. Нерентабельно.

– Давай козье.

– Да рано ещё, не доили.

– А в холодильнике, на кухне, нет что ли?

– В холодильнике? Ты про лёд?

– Ах даа! – вспомнил я.

И тут Наташка, как-то странно улыбнувшись, произнесла – Будет тебе молоко. Ну ка, попробуй!

Она сунула руку в вырез сарафана, и вывалила грудь. В паху затомило и задёргался член.

– Соси! – тыкала она соском в меня, и я припал губами к груди, и сосал.

Молоко было густое и чуть сладковатое на вкус.

– Ну хватит-хватит – царица отстранила мою голову – На-до куда-то сседить?

Я осмотрелся. Но никакой посуды не увидел.

– Значит в горшок. Доставай.

Я встал на колени, и достав горшок, поставил на кровать. Наташка подвинулась и, наклонившись над горшком, стала сцеживать молоко. Я смотрел и облизывался, и весь горел желанием.

– Наверное, хватит.

Я заглянул в горшок. На глаз там было с пол-литра молока.

– Оденься, я тебя проинструктирую.

Я оделся в свои трико и футболку, обулся в кроссовки, и присел рядом с красавицей.

– Когда подойдём к воротам, я отвлеку стражу, и ты выйдешь за ворота. По дороге пойдёшь до камня. Он стоит на развилке. Отсюда, от дворца, за камнем одна дорога. Но когда будешь возвращаться, окажешься перед развилкой. На камне есть указатели, но их всё время кто-то путает. На вот – и она сунула мне в руку белый камешек похожий на известняк – Нарисуешь стрелку на камне, чтобы на обратном пути не запутаться. Та дорога, что за камнем, ведёт к рубежам. Но на подходе к рубежам, дозор. В дозоре богатыри. Они, ско-

рее всего, будут гулеванить. Уже лет триста, ворог, к нашим рубежам не приближался. У них, кроме своих, пара запасных коней. Запасное оружие и доспехи. Ты должен украсть коня, доспехи и оружие. И на коне, в доспехах и с оружием прискакать к воротам замка. Будь осторожен: они хоть и нетрезвые, но всё же опытные дозорные. Если поймают, могут и отдубасить. А кулаки у них увесистые, богатырские.

Наташка помолчала – Ладно, встань на колени, я намочу твою голову молоком – она взяла в руки горшок – Фуу, какой резкий запах. Это твоя моча. Как у коня. Наклони голову.

Я повиновался и склонил перед царицей голову, скрыв улыбку: она то тоже ссала в горшок. Окуная руку в молоко, Наташка водила ею по моей голове, смачивая волосы. Потом взяла половинки шапки, и наложив на мою голову, и подождав немного, сдвинула, соединив по разрыву – Ух ты! Получилось! Посиди немного, пусть чуть подсохнет.

И коснувшись моего плеча, провела рукой по лицу, словно убеждаясь, что я только невидим, а не исчез совсем.

Когда мы вышли из дворца, пропел второй петух и на востоке заалела заря. Осматривать дворец не было времени. Я попросил Наташку, чтобы дала мне воды умыться. Она привела к баньке, и мы вошли внутрь. В баньке было тепло и сухо. Она держала меня за руку.

– Лицо и руки?

– Да, и ещё кое-что – я разделся – Дай воды.

Она зачерпнула ковшиком из бадейки, и держала в руках.

Я сунул палец. Вода была горячая, но не обжигала. Взял из её рук ковшик, присел и подмылся. Потом, черпая воду пригоршнями, ополоснул лицо.

– Всё. Дай вытереться.

Она сунула мне кусок ткани. Я обтёрся и оделся, бросил тряпку на полок, и взял Наташку за руку.

– Я готов.

Мы подошли к воротам. Один страж на смотровой площадке, второй у ворот, в будочке.

– Всё спокойно?

– Всё спокойно, царица!

– Отворяй ворота!

Страж вытянул засовы из петель, и налегая на створки ворот, растворил их. На комбезе, цвета хаки, на спине, была надпись: «ОА ЧЕРНОМОР». На поясе болтался штык-нож. Другого оружия не было. Наташка тиснула мою ладонь и разжала пальцы.

Пройдя через ворота, я пошёл по дороге, чувствуя спиной взгляд царицы.

Глава IV Дозор

Уже взошло солнце и припекало, а я всё шёл, и шёл по дороге.

Кругом была степь. Колыхался ветерком ковыль. У самого горизонта темнел Дремучий лес, да парил, в вышине надо мной, одинокий коршун, словно сопровождаая.

Наташкино молоко подсохло, и я чувствовал, как коробит

кожу под шапкой.

Как назло, никто не встречался. Не попадались лужи, значит дождя давно не было. И реки, сколько я ни осматривался, не было.

Камень появился передо мной, словно из-под земли вырос.

Я подошёл и поразился его размерам.

В кино, да мультиках он вроде не очень большой. Но этот, чёрный как антрацит, высотой метра четыре, а обойдя его, я насчитал сорок шагов. Земля вокруг камня была утоптана, да так плотно, что следов не различить.

Я нарисовал стрелку, как советовала Наташка, и прислонившись к камню спиной, с той стороны где он отбрасывал тень, немного отдохнул. От каменного массива шла прохлада, и было ощущение, что из камня, в меня, перетекает энергия.

Показалось, наверное.

Я ещё раз обошёл камень, присматриваясь к земле. Но тени от меня не было.

Я встал перед камнем с той дороги, которая вела к рубежам и прочёл надписи на указателях

Надпись на правом гласила – Тридевятое Царство 8 вёрст

Надпись на левом гласила – Тридесятое Государство 300 вёрст с гаком

Надпись на центральном гласила – «Сюда не ходи, туда ходи»

Дозор я увидел издалека. А подойдя поближе, и услышал. Из шатра, стоящего в чистом поле, неслась песня.

– Комбат батяня, батяня комбат, ты сердце не прятал за спины реэбят ...

Возле шатра паслись стреноженные кони. Три коня под седлом, два без. Все пять одной масти: серые в яблоках. Под навесом в кучу свалены бронежилеты, пластиковые защитные шлемы и оружие. Копий и мечей не было. Но были луки, с колчанами полными стрел, да казацкие шашки в ножнах.

Я постоял в раздумье, и решительно сдёрнул себя половинки шапки.

– Была не была!

Бросил на землю шапку и, откинув полог, вошёл в шатёр.

– Здорово, братцы!

Песня оборвалась, и три богатыря воззрились на меня.

У Ильи и Микулы тельняшки в голубую полоску, у Алёши в чёрную. И в краповых беретах, лихо сдвинутых на затылки.

Илья, невысокого роста, но широк в плечах. Про такие говорят – косая сажень.

Алёша показался мне рыхловат. Но под кожей перекатывались бугры мышц как шары, и говорили о силушке немеряной.

Микула был весь, словно канатами, перевит мышцами и жилами.

– Здрав будь боярин!

Илья встал и улыбнулся.

Алёша встать не смог.

А Микулу, когда встал, сильно качнуло.

– Здорово, коль не шутишь.

– Как звать-величать тебя добрый молодец? – опять Илья.

– Зовут меня Роман, а по батюшке Григорьевич.

– Присаживайся к нашему столу, Роман Григорьевич.

Илья повёл рукой.

– Отведай нашего мёда, и откушай наших яств.

У стола, будто кого-то ждали, стоял четвёртый табурет.

Я подошёл и присел к столу.

Илья наполнил мне чарку, поднял свою и произнёс – Вы-
пьем за знакомство, други!

И осушил свою

Я пил глотками, и богатыри хором потянули – Уууу.

Илья тут же налил вторую, но я сказал – Со вчерашнего
дня маковой росинки не было во рту.

– Закусывай-закусывай Роман свет Григорьевич. Да рас-
скажи нам откуда и куда путь держишь.

Илья подвинул чашу с пирогами

Я взял кусок пирога с рыбой и уплёл за обе щёки.

– Еду из заморских стран. А путь мой лежит в Тридеся-
тое Государство. Есть у меня миссия, но она тайная. Об этой
миссии знает ваша царица, и ожидает меня.

Что ещё говорить богатырям, я не знал. Взял ещё один
кусок пирога, побольше, и ел подольше. Когда доел, чарку
сам взял.

Илья поднял свою.

– Выпьем други, за благополучный исход тайной миссии нашего друга!

Едва он договорил, я осушил чарку.

Богатыри загудели – Дoooобре! – и осушили свои.

Алёша качнулся, и ткнувшись носом в стол, мгновенно уснул.

Микула зевнул, встал, прошёл к стене шатра, где была широкая лавка, и улёгся – Вздремну чуток.

Я уплетал пирог, а Илья, подмигнув мне, сказал – Я брат, знаю о тебе. От Василисы был гонец, дядя Лёша. Ты с ним уже знаком. Ты поешь брат, а я пойду коня тебе приготовлю, да снаряжение.

Он вышел, а я, под богатырский храп дружинников, съел ещё кусок пирога.

Илья держит коня под уздцы. Я верхом, в бронежилете и с шашкой, но без шлема. Жарко.

– Конь спокойный, и привычный ходить под седлом. Отзывается на имя Серко.

Конь прынул ушами и качнул головой.

– Воо! Видал! Запомнил, что после камня ехать надо по правой дороге?

– Запомнил.

– Ну, в добрый путь.

Он отпустил узду, и легонько хлопнул Серко по крупу.

Я подобрал поводья, слегка сжал ногами круп коня.

– Ноо! – и Серко потрусил лёгкой рысью.

Уже солнце близилось к зениту, а заморского принца всё не было.

Василиса меряла шагами тронный зал, останавливалась у окна, прислушивалась, и снова ходила от одной стены к другой. Наконец, не в силах больше переносить одиночество, покинула тронный зал и вышла на крыльцо дворца.

Стражу, днём, у крыльца, она не держала. Ворота приказала не закрывать. Постояв на крыльце в ожидании, царица спустилась во двор и, обойдя дворец, пошла по центральной улице царства.

Пора грибная. Почти всё население царства, вооружившись лукошками, ушло, с утра пораньше, в лес.

Василиса свернула в проулок, и увидела, на завалинке угловой избы, трёх женщин. Тётки были примерно одного, бальзаковского, возраста. Они молча лузгали семечки.

– Здорово бабоньки!

– Здравствуй-здравствуй Василиса.

Вразнойбой ответили тётки.

– Где же ваши мужья, бабоньки?

– Знамо где. В дозоре. Рубежи стерегут – ответила одна.

– А вы, что же бездельничаете?

– Мы не бездельничаем – ответила другая – мы ласы точим – и хохотнула.

– Таак! – Василиса подбоченилась – И о чём же?

– Как же не стыдно-то тебе, Василиса? – снова заговорила

первая – Принца себе заморского выписала. При живом-то муже! Ты бы хоть развелась с ним.

– Не могу я, бабоньки – сокрушённо ответила Василиса – сказка то ещё не закончилась.

– Да знамо дело – вздохнула первая – без мужниной ласки баба херееет.

– Хирееет – ткнула её в бок, локтем, вторая.

– Как сказала, так сказала – ответила первая.

– А оговорочка то по Фрейду – процедила, сквозь зубы, третья, цепким взглядом ощупывая Василису.

У ворот послышался шум. Женщины, как по команде, встали. Василиса побледнела.

Доехав до камня, я остановил коня и попробовал лихо соскочить.

Получилось неуклюже. К тому же я чуть не брякнулся оземь, зацепившись ногой за стремя. О лихом вскакивании, на коня, не могло быть и речи. Я посмотрел на указатели.

Надпись на правом гласила

Тридешатое Государство – 300 вёрст с гаком

Надпись на левом гласила

Тридевятное Царство – 8 вёрст

Я попытался вспомнить, как было, когда я утром подошёл к камню. Но, к своему удивлению, не смог. Не смог я припомнить и то, что говорил мне Илья. Я вспомнил про Лихо и осмотрелся. Только степь кругом.

– Что за нава ...

Я прикусил язык, вспомнив, что именно так началось моё блуждание по лесу. Держа Серко за узду, я пошёл вокруг камня. Я обходил камень, а волнение нарастало. Но стрелку никто не стёр, и я успокоился. Забравшись на коня, вспомнил, что забыл шапку-невидимку у шатра. Возвращаться не хотелось, и успокоившись мыслью, что дозорные её заметят и подберут, я пустил Серко легкой рысью, по правой дороге, к воротам дворца и царства.

Глава V Совет в Тронном зале

– Тили-тили тесто! – бежали за нами ребятишки – Жених и невеста!

Мы шли с Василисой по центральной улице царской деревни, и она показывала, и рассказывала кто где живёт, и из какой сказки.

Василиса оглянулась и, погрозив детишкам пальцем, остановилась.

– Ну, если уж и ребятам известно о нас с тобой, значит всё царство знает. Неча ломать комедию. Надо Совет собирать.

Когда замаячили башенки дворца и трубы, Серко, почуяв скорый отдых и торбу с овсом, перешёл, сначала, на крупную рысь, а потом и вовсе пошёл галопом.

Я натягивал поводья, кричал – Тпрруу!

Но Серко не обращал на меня никакого внимания.

Ворота были открыты. Один страж ссал в кустах, а другого разморило солнышко, и он прикорнул.

Они спохватились, и поняли что произошло, не сразу. Узнав Серко, стражи приняли меня за кого-то из богатырей.

И лишь когда Серко миновал первого, и тот разглядел незнакомца ...

– Стояааать! – истошно орал он, на бегу заправляя причиндал в штаны.

Второй оказался шустрее, и сообразительней, и грозно крикнул – Стой Серко!

Был ли Серко его лошадыю, или уж так выдрессирован, но на окрик отреагировал мгновенно, и стал, как вкопанный.

Меня швырнуло из седла, и описав дугу, я грянулся оземь, и пропахав по траве лицом, и сильно исцарапавшись, стукнулся головой о столб (вот для чего нужен был шлем!), и отключился.

Стражи подбежали ко мне, и навалившись, крутили руки. Но увидев, что я не сопротивляюсь, и вообще в отключке, перевернули лицом, и сняв с пояса шашку, встали рядом.

В эту минуту и подбежала Василиса, а за нею тетки.

Увидев меня на земле, бездыханного и с лицом в крови, царица бухнулась в обморок.

Про меня сразу забыли.

Один страж подхватил Василису на руки, и понёс во дворец. За ним шли тётки. А второй побежал за сестрицей Алёнушкой.

Василису донесли до спальни и уложили на кровать.

Прибежала Алёнушка, и охая, и ахая стала тормошить Ва-

силису.

Василиса открыла глаза.

– Где он?

Они смотрели на царицу, не понимая о ком она.

Василиса села, и обведя глазами спальню, и не увидев меня, снова лишилась чувств.

– Ой! Да она ж про принца! – дошло до тёток – Ведите его сюда.

Стражи, опомнившись, что оставили и меня, и ворота, побежали.

Один, взвалив меня на плечи, понёс во дворец. Второй закрывал ворота.

Когда первый подошёл к двери, Василиса уже сидела, придя в себя. Но увидев меня, на плече стража, вскрикнула и потеряла сознание.

Страж опустил меня на пол. Подошла Алёнушка и брызнула в лицо водой из ковшика.

Я очнулся и сел. И увидев царицу без чувств, поднялся, и шагнул к кровати.

Страж перехватил меня и удержал.

Наташка пришла в себя, протянула ко мне руки.

– Рома.

И заплакала.

Страж не стал меня удерживать.

Я подошёл к кровати и опустился на колени.

Аленушка вытолкала всех из спальни, и тихонько закрыла

за собой дверь.

Наташка плакала, уткнувшись в мои колени, а я молча гладил её плечи и голову.

Наконец, успокоившись, она выпрямилась и, размазывая слёзы и сопли по щекам, улыбнулась – Ну, рассказывай принц, как ты до такой жизни докатился?

Когда я закончил, она встала.

– Пойдём, тебе надо лицо ополоснуть.

Помыть пришлось и голову.

Я бы и весь помылся, но Наташка, сказав что дела не терпят отлагательства, что банька будет вечером, подала мне полотенце.

И когда я обтёрся, смазала царапины какой-то мазью на травах.

Я снял бронежилет и оставил в предбаннике.

Мы вышли, и царица повела меня на экскурсию.

Совет, Василиса, проводила в Тронном зале.

Сама восседала на троне. За столом, слева от трона, сидели советники. Знакомый уже мне Хозяин (Леший), которого все ласково называли дядя Лёша. Дядька Черномор и Илья Муромец. Четвёртым, с правом совещательного голоса, был я.

Василиса представила меня Совету.

– Цель нашего совещания, прояснить, насколько это возможно, его – она взглянула на меня – здесь появление, и суть его миссии.

Дверь отворилась, и в зал заглянула женщина лет сорока. Брюнетка, с косой чуть ли не до пят. Чёрные глаза, стройная и красивая. Увидев нас ойкнула, и стала закрывать дверь.

– Что хотела, Алёна? – окликнула Васса.

– Да я к дяде Лёше.

– Что хотела, дочка? – Леший аж засветился весь.

– Дядь Лёш, ты братца Иванушку не видал? Опять запропастился куда-то.

– Видал Алёнушка – Леший вздохнул – к Водяному подался.

– Зачастил что-то братец на болото. Мёдом у него там, что ли, намазано?

– Мёдом – усмехнулся Леший – Водяной то ноне совсем от дел отошёл. Его уж не только кикиморы, русалки, и те не слушают. Всё хороводы водят под луной, да книжку с картинками всё смотрят, да хихикают. На меня глазищами своими белёсыми стрелять стали. Ну русалки, они и есть русалки. Но чтоб до такого? Тьфу, чтоб ты!

– А что за книжка то, с картинками? – заинтересовался я.

– Я толком то и не знаю. Но написано на обложке, что с Утра её смотреть надо. А оне всё по ночам смотрят, да хихикают.

Меня будто током дёрнуло – Кама-Сутра?

– Воо! Она и есть.

– Да что тут у вас творится-то?

Они примолкли.

За всех ответил Черномор – У нас, Роман свет Григорьевич, на тебя была надежда. Думали ты нам всё растолкуешь. А видать тебе и самому неведомо – дядька вздохнул – Тем опаснее твоя миссия становится. Коли идёшь незнамо куда, да незнамо зачем.

Зависла гнетущая тишина.

От ворот слышался шум, гвалт, крики.

Все соскочили, и к окнам.

– Заломал! Заломал медведь мужика! Опять заломал! – вопили бабы.

В ворота заводили коня, запряжённого в телегу. А на телеге, прикрытый рогожкой, лежал заломанный мужик.

– Опять! – охнула Васса.

– Да что тут у вас происходит?

– Что-что? Опять не по сказке. Должен мужик медведя обмануть дважды: на вершках, да на корешках. А медведь обману не поддаётся, и заламывает мужика.

– Совсем заламывает?

– Медведь же – ответил за всех дядя Лёша.

Но увидев, как вытянулось у меня лицо, добавил – Да ты, мил человек, не горюй шибко то. Сестрица Алёнушка sprysнет его Мёртвой да Живой водицей, и будет мужик, как новенький.

– Пока опять не заламает – буркнул Черномор.

– А что будет, если sprysнуть только Мёртвой водой?

– Да ничего не будет – ответила сестрица – раны только

затянутся, и всё.

Она убежала.

– А хоть раз пробовали так?

– А зачем? – спросила Васса.

– Эксперимент. Ну, или опыт?

– Не до опытов нам. У нас, в сказках, всё по порядку. В общем так, други мои. Вот что доносит молва из Тридесятого государства. Будто бы появился и там Пришлый, и тоже пришёл через мир Серый. И будто бы знал он, что в Тридесятое Царство придёт другой из мира Серого, который будет мешать ему. И чтобы погубить Пришельца – Васса взглянула на меня – отправили они Одноглазую. Но видать не знали точной даты появления нашего Пришельца. Вот и ходила баньша по лесам да чащам, да и морочила наших людей всех подряд, кого ни встретит. Троих и сгубила. А когда пришёл Роман свет Григорьевич, Одноглазая не смогла одолеть его сразу. Это обнадеживает. И ещё одно испытание выдержал наш принц. Правда, на сей раз, без крови не обошлось.

– Выходит, Роману в Тридесятое путь лежит? – тихо уточнил дядька.

И хотя Василиса к этому и подводила, но вопрос в лоб, всех, почему-то, смутил.

В зале опять повисла гнетущая тишина.

– А кто правит в Тридесятом? – спросил я.

– Карла – угрюмо ответил Черномор – Отросла борода за триста лет и обрёл он былое могущество.

– А как же Руслан?

– Руслан у него в главных министрах ходит. Людмила в ключницах. Уж как он с Русланом договорился, никто не знает. Но бают, что ладят они, и прежние тёрки забыты.

– А царь то где?

– А царя он держит в башенке – опять ответил Черномор – И говорит всем, что у царя, мол, крыша съехала. А так это, или нет, пойди проверь? Карла в башенку никого не пускает. Ключ никому не даёт. Да ещё заклятие, на засовы, наложил. А там, можа, и Царя то нету.

– А как же дочь царская? Несмеяна.

– Изблядовалась Несмеяна – Василиса глянула на меня.

– А Карла женат?

– Женат – тяжело вздохнул Черномор.

– А кто жена то?

– Шемаханская девица.

– Ниххуясебе!

– Роом! – Илья улыбнулся – Среди нас женщина.

– Простите братцы! Не сдержался.

– Да мы и сами крепким словцом не брезгуем. Но на совете у царицы – Илья подмигнул мне – ни-ни.

На меня, вдруг, навалилась усталость. Почему-то вспомнился дом. Отец. Невыкопанная картошка. Дядя Митя со своим стартёром. И так захотелось туда, в привычный, и такой неизменный мир ...

– ... а это мы, сейчас, у него и спросим.

Погрузившись в невесёлые думы, я пропустил мимо ушей часть речи Вассы, и ощутив на себе взгляды сотоварищей, встрепенулся.

– Что?

Видимо выглядел я очень усталым. А может увидели они, что никакой я не Пришелец, а просто человек: слабый и беззащитный.

– Это, наверное, от мёда меня сморило.

– Какого мёда? Илья! Я о чём просила? Или ты – она посмотрела на Лешего – не сказал ему?

– Да как можно Царица? Слово в слово. Подтверди, Илья.

– Передал он, Васса.

– Так зачем же ты напоил его?

– Да две чарки, всего-то, и выпил Роман свет Григорьевич. А как бы я проверил его, Васса? Русского человека только так и можно проверить. А он, вторую чарку, осушил залпом. Вот это, по-нашему. Свой, в сказку!

– Всё! Сегодня Совет окончен. Что не договорили, договорим завтра. Да и утро вечера мудренее.

Глава VI Незванный гость

Ужин Василиса приказала принести в спальню, и сама хлопотала, и подавала мне блюда в кровать.

Пока я ел, она, порывшись в шкафу, нашла мне одежду. Исподку. Род женской нательной одежды.

Сама унесла посуду, и вернувшись, сказала – Банька на-топлена, пойдём, помоешься.

– А ты?

– Да куда ж я денусь? – усмехнулась она.

Оставив одёжку в предбаннике, мы зашли в баньку.

Василиса закрыла дверь и взглянула на меня.

– Ложись-ка на полоч.

Я послушно залез и лёг. И от тепла банного, от жара, разморило меня.

Наташка сама набирала воду в шайку. Ставила рядом, и мыла, и тёрла меня мочалкой. Я только переворачивался со спины на живот, да с боку на бок.

Отмыв меня и ополоснувшись, она набрала в ковшик воды, плеснула на камни и стала охаживать меня веником. И меня развезло основательно.

– Облей меня холодной водой – попросил я – а то усну здесь.

Она окатила меня холодной водой. Усталость сошла и мы, одевшись в исподки, пошли во дворец. Было тепло, темно и тихо.

У крыльца стояла стража. Два витязя из дружины Черномора.

Я опять обратил внимание на надписи, на их комбезах, и спросил об этом Наташку.

– Охранное Агентство Черномор – истолковала она.

– А разве они не являются частью дворцовой челяди?

Наташка усмехнулась.

– Витязи, к дворцовой челяди не относятся. Да и нет у ме-

ня челяди. Если, что надо, кому передать, посылаю стражника или вызываю Лешего. Он лучше и надёжнее всякого гонца. А содержать витязей я не могу, казна пуста. Нет в казне денег даже на ремонт дворца. Поэтому дружина Черномора на самообеспечении. Кто не в дозоре, или не на службе, занимаются обычным крестьянским трудом: землю пахут, сеют, травы косят, грибы-ягоды собирают, рыбу ловят.

У опочивальни тоже стояли два стража.

По стенам, в медных лампадах, коптилось масло. Было, в общем то, достаточно светло. На столике, у окна, стоял самовар, вазочка с вареньем, и туюсок с мёдом. Две кружки и ложки из серебра.

Наташка хлопотала у самовара.

Я лежал в кровати, под одеялом.

Волосы она скрутила и завязала узлом. Исподка скрадывала формы её тела, а тени, по стенам, придавали обстановке немного волшебства.

Я наблюдал за нею.

– А что я пропустил на Совете?

– Я спросила про шапку-невидимку. Где она?

– Осталась у шатра. А разве Илья не привёз её?

– Я не спрашивала у него. Но Илья то слышал о чём я спросила, и обязательно сказал бы.

– Может Микула, или Алёшка подобрали?

– Всё равно б отдали Илье. Выходит, кто-то шапку подобрал. Тебе с мёдом, или с вареньем?

Она подошла и склонилась ко мне.

– Да ты весь пылаешь. Заболел?

– После бани же. Почему сразу заболел?

Но она тронула лоб.

– Да у тебя жар!

Царица пошла к двери, открыла, и подзвав стража, отправила за Алёнкой – Скажи, жар у нашего гостя. Сильный.

Вернувшись, присела на кровать.

– Я не всё сказала на Совете. За Пришельцем кто-то скрывается. Кто-то более могущественный. Но о нём ничего неизвестно. Пришелец от Чернобога. Но когда проходил через Мир Серый, кто-то перехватил его. И теперь, Пришелец, под другим влиянием.

– Что нужно, Чернобогу, в сказочном мире? И что за Мир Серый? Я вроде бы в него не попадал.

– Чернобог послал того Пришельца в Явь, к Белбогу. Не в сказочный мир. Но кто-то вмешался. Кто-то не хочет, чтобы Чернобог передал послание Белбогу.

Заскрипела дверь и вошла сестрица Алёнушка.

– Алёнушка, посмотри. Он весь горит.

Аленушка подошла и склонилась надо мной, тронула лоб рукой – Дайка ему чаю с малиной, Васса.

Царица пошла к самовару, а Алёнушка сунула руку под одеяло, и дотронулась до члена.

Я подумал, было, что она и там проверяет температуру. Но сестрица шупала меня, и от прикосновения женской и

горячей ручки, член возбудился.

– Что такое? – Васса стояла за спиной Алёны – Что ты там забыла?

– Васса, дозвожь потрогать живой. А то всё палочка, да палочка.

И не дожидаясь разрешения, откинула с меня одеяло.

– Ах! – всплеснула она руками – Какой красивый.

И встав на колени, припала губами и целовала.

Наташка махнула рукой, и поставив чай на столик, вышла в коридор. Отпустив стражу, закрыла дверь на ключ, и вернулась к нам. Аленка уже сосала, и ласкала языком, давясь и пуская слюну.

– Да ты что делаешь? – Наташка тронула Алёнку за плечо.

– Оффань баффа! – отмахнулась Алёнушка.

– Чего?

Сестрица выпрямилась – Отстань, Васса!

И полезла на меня. И усевшись, зажала член, и опираясь об меня руками, натянулась.

– Дай ему травки. И пристраивайся.

Она уже всю елозила, а я подумал, что Наташка сейчас разозлиться, и сбросит сестрицу с меня.

Наташка наклонилась ко мне. В её глазах бесилось зелёное пламя. Она приподняла мою голову левой рукой, и поднесла ко рту правую. Я слизнул травку, и член рос в сестрицу Алёнушку, как бамбук, в жопу китайца. И когда член, пронзая Алёнушку, вышел из её жопы, я изумился.

– Тоже ведьма?? – Ведьм не хватает на все сказки – ответила Васса, пристраиваясь и натягиваясь – приходится совмещать.

Алёнка, распустив шнурок на сарафане, вывалила грудь, и я гладил, и мял, и тискал её.

А Васса насаживалась, держась правой рукой за плечо Алёнки, а левой сбрасывала, с её титек, мои руки. Но сестрица, войдя в раж, наклонилась, опустившись титьками на моё лицо.

– Соси! – прохрипела она.

И я сосал.

И молоко, у Алёнушки, было по вкусу, как козье.

– «Наверное и коз не хватает»

Дотянувшись до Наташкиных титек, я мял их, и погружаясь в оргию, потерял счёт времени ...

Я лежал между женщинами. Они щупали меня, отталкивая руки друг друга. И наконец, расслабленно, и ровно задышали.

Я проснулся от тишины. Про такую говорят – звенящая. Ещё не пропел первый петух, и до рассвета было далеко. Возбуждённый член торчал.

Я хотел ссать.

Но женщины спали, разбросавшись по кровати. И я лежал, боясь шелохнуться, чтобы не разбудить.

Окна были раскрыты.

– «Зачем запирать на засовы дверь, если окна открыты?»

В спальню заползал зеленовато-синий туман причудливой формы. Переваливаясь через подоконник, сползал по стене на пол, и медленно, и бесшумно поднимался, обретая формы и очертания, всё больше напоминающие человеческие.

На голове шевельнулись волосы, когда я понял, что очертания не напоминают, а и есть ...

– Рррняууу!

С утробным рыком, с кровати, взметнулась большая чёрная тень, и удар мощной лапы сбил того, кто скрывался туманом.

Огромная чёрная кошка, присев, и приготовившись к прыжку, наблюдала за незванным гостем, сопевшим и воровавшимся на полу.

Краем глаза я уловил движение со стороны Алёны, но в эту секунду взметнулась чёрная тень, вспрыгнув кому-то на спину, и я услышал, как затрещала разрываемая кожа. Слышал жуткие удары когтистой лапы и визг. Но ничего не мог увидеть из-за жопы Алёны, которая сунулась, и припала, под одеялом, к моему торчащему члену. Накрыв мой рот горячей, набухшей и влажной плотью, она елозилась по моим губам и носу, и перед моими глазами мелькало соблазнительное колечко ануса, словно дышащего. А у окна шла борьба не на жизнь, а на смерть. И удары мощных лап, и сопение Алёны, и визг, смертельно раненого существа, всё смешалось, и двоилось, и троилось в моём сознании, и когда я излился в ротик Алёне, и она глотала со слюной и соплями, кто-то,

огромный и грузный, вывалился в окно ...

И всё стихло.

Алёна отвалилась от меня, и я увидел на подоконнике огромную, чёрную кошку, которая, спрыгнув на пол спальни, обратилась Вассой.

– Могла бы и помочь, Алёна! – сказала она.

Алёна облизнула губы – Ты бы, и с двумя, одна справилась.

И утеревшись ладошкой, добавила – Я бы только мешала.

– А я вам не помешала, любовнички? – Царица осматривала ла ... руку, испачканную кровью – Не придёт больше Одноглазая. Нет у неё больше глаза.

Она обтёрла руку о понёву исподки, и села на кровать.

Алёна встала – Мне уйти?

– Куда собралась? Ложись!

Я вспомнил, что хотел ссать, и встал.

– А ты куда?

Я молча достал из-под кровати горшок. Молча сунул его царице в руки. И ссал, направляя струю так, чтобы на неё летели брызги.

Алёна хохотнула.

Царица выплеснула мочу в окно, и у окна, горшок, оставила.

Мы легли.

Минут через пять женщины засопели ровно, и почти в унисон.

Глава VII Утро вечера мудренее

Меня разбудила ворона своими сочными горловыми криками.

Она орала – Карrrr!

И не успевало ещё вылететь из её клюва последнее – rrr – а уже клокотало, и рвалось из горла следующее – Карrrr!

И ещё. И ещё. И она захлёбывалась, и давилась ими, и умолкала.

Наступала тишина, и казалось, что ворона подавилась окончательно.

Но шумно хлопали крылья, и новое – Карrrr! – убеждало, что с вороной всё в порядке.

Было светло и я обвёл комнату глазами в поисках часов. Часов не было.

Я вспомнил, где я, и сел.

Наташки, и сестрицы Алёнушки, не было.

Я задумался: вчерашнее появление Одноглазой, и её попытка убить меня (что пришла она именно для этого, теперь уже не вызывало никаких сомнений), наводило на мысль, что вляпался я в чью-то очень серьёзную игру. Самое интересное, что никто не спросил у меня, а хочу ли я быть её игроком(?), да ещё и одним из первых? Нет, я конечно был не против того, чтобы трахать Наташку и сестрицу Алёнушку, и принимая травку, вертеть их на хую! Это – мне очень даже нравилось! Но оказалось, что за это надо платить. И какой ценой?! До ночного нападения Одноглазой, я восприни-

мал всё происходящее, как небольшое приключение. Ну, а если уж говорить честно, где-то, в глубине души я вообще не верил в то, что всё это реально со мной происходит. Я провёл рукой по лицу. Царапины подсохли. Но они были! Ещё раз внимательно осмотрев комнату, я убедился в том, что никогда раньше здесь не бывал. И даже в снах. Я подошёл к окнам. Совершенно незнакомый мне двор, и ворота со стражей. Я оглянулся: кровать (очень большая), камин, шкаф и, я подошёл к кровати и заглянул под неё. Ночной горшок был на месте. Я вернулся к окну, и выглянул. На траве, под окном, лежали скомканные, с подсохшими пятнами крови, половинки шапки-невидимки. Я полез на подоконник, с намерением спрыгнуть на траву и подобрать шапку. И вспомнил, что я голый. Вернулся к кровати. Ни трико, ни футболки не было. Только исподка. Я сел. Круг замкнулся. Всё, что происходило со мною, не было сном, не было бредом. Всё это происходила наяву. Утро, действительно, оказалось мудренее вечера. Я захотел копать картошку. Вернуться в свой мир, и копать картошку. Мне стало легче, но тут я вспомнил – "Наташка беременна!" Я обзывал себя долбоёбом и полным идиотом. Но мысль, что уже ничего нельзя ни изменить, ни исправить, всё основательней и основательней закреплялась в моём мозгу.

Заскрипела дверь и вошла Василиса.

Не надо было быть ведьмой. Не надо было быть телепатом. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять: я в отчаянии!

Она ничего не сказала.

Подошла, бросила на кровать мои трико и футболку, и села рядом.

– Я понимаю твоё состояние. Но отменить, или изменить уже ничего нельзя. Отказаться ты мог там, когда я пришла за тобой. Теперь – нет.

Она помолчала.

– Ты можешь ничего не делать. Просто жить во дворце, есть, спать, трахать меня и сестрицу Алёнушку.

– «Как было бы здорово!»

– Но твоё ничегонеделанье не отсрочит, и не отменит того, что должно произойти. С тобой, или без тебя, я буду биться за своё Царство, за свой мир, за – она взглянула на меня – нашего сына. Но без тебя, я проиграю эту битву. С тобой, могу победить. И тогда ты сможешь вернуться в свой мир, и докопать картошку. Или остаться здесь навсегда – «Трахать тебя и Алёнку» – чтобы стать сказкой. Выбирай.

Глава VIII Выбор

Не хотелось ни о чём думать. Не хотелось выбирать ни из чего. Зачем? Хотелось только одного: лечь, уснуть и проснуться дома.

– То что я сейчас скажу, не говорила никому. Об этом знаю только я и ...

Она замолчала.

Молчание затянулось, и я повернул голову.

– И тот, кто меня сюда отправил.

– Ты, оттуда?

Наташка качала головой

– Я появилась здесь за полгода до твоего явления.

Это было уже слишком и никак не могло уложиться в моей голове.

– Я ниччего не понимаю. Ты не сказочная ведьма, и не царица? Ты из того же мира, откуда и я? А как ты сюда попала? Тоже заблудилась? А из какой ты страны?

– Ром, мы в мире русских народных сказок. Ну из какой ещё страны, кроме России, я могу быть? Не из леса. Просто заснула там. А проснулась здесь: на этой кровати, в этой опочивальне.

– Сразу царицей? Или сначала ведьмой?

– Не знаю. Может и сразу. Я всё ещё не могу свыкнуться с ролью царицы. Ведьмой мне как-то больше нравится. Но они называют меня царицей. И ни разу, и никто, в этом, не усомнился.

– И ты знала, что я приду сюда? И знала, зачем?

– Нет. Пока ты не заблудился, и не появился здесь. Вот тогда, прямо на болоте, я поняла кто ты, и зачем явился.

– А сестрица Алёнушка?

– Абориген и она, и все остальные. Будь по-другому я бы уже знала об этом.

– А ... я её действительно трахал?

– Ром. Она, от тебя, не понесёт. Если об этом подумал. Сестрица Алёнушка сказочный персонаж.

– Но трахалась как настоящая!

– Она же женщина, хоть и из сказки. Да и муж есть. Ты забыл? Купец.

– Братец Иванушка, что ли, купец?

Наташка вздохнула.

– Братец, и есть братец. А есть муж. Только он не здесь, а в Тридесятom Государстве. И вернуться сюда уже не сможет. Нет, он сможет, но только если мы ...

– А как ты научилась обращаться? И почему ты не осталась там? Ведь уже при мне, ты дважды там была?

– Я хотела остаться. Но не получается. Несколько раз я просыпалась в своём городе, в своём доме, в своей квартире, в своей кровати. Радуюсь, что всё мне приснилось, засыпала. А просыпалась, всякий раз, здесь. И мне стало понятно: возврата нет. Как только осознала и смирилась с этим, появился ты.

– То есть, про мир Серый, ты ничего не знаешь? И про Чернобога, и Белбога, и ещё одного Пришельца, всё выдумки? А из какого ты города?

– Про мир Серый мы ещё поговорим. Чернобог, и Белбог, и Третий, не выдумка. Я из Самары.

– А на какой реке город? А как, в Самаре, называется международный аэропорт?

Наташка хмыкнула.

– Да хватит. Зачем мне, врать тебе? Волга, Курумичи.

– И ты беременна от меня?

– А от кого ещё то? Царицу никто, кроме тебя, не трахал. И трахнуть не может. Вот почему я так обрадовалась твоему появлению. Палочка, за полгода, порядком надоела. А ты, местных тёток, можешь трахать сколько хочешь, как хочешь и кого хочешь! Как только, мы с тобой, отсюда выберемся, вся информация, о нас, будет стёрта из их памяти.

– И замужних тёток?

– Да.

– А мужья, на меня, не обидятся?

– Они, об этом, не узнают. Ром, тебе мало нас с сестрицей?

Но я не слышал Наташку. Моё воображение погружалось в порнографический рай. Мне не терпелось прогуляться по Царскому Селу.

И выбрать тётку поядрёнее!

Глава IX Ядрёная тётка

– Что решил? Роом!

Она тормошила меня за плечо.

– Остаюсь.

Она улыбалась.

– А ты на меня не обидишься, если я пойду сейчас, и трахну какую-нибудь Марию Моревну?

– А почему именно её?

– Просто, первое, пришедшее на ум, имя из сказки. А кстати, как твоё имя?

– Таня.

– Наташка, Васса, Таня. Ведьма Наташка мне больше нра-

вится. Ты мне дашь травку? На всякий случай.

– Зачем? Других ведьм, кроме меня, и сестрицы Алёнушки, в моём царстве нет. Ты же не хочешь протыкать им влагалище? Гинеколога здесь нет.

– А зачем гинеколог, когда есть Живая и Мёртвая вода? Ты пойдёшь со мной?

– Обязательно. За тобой теперь глаз да глаз нужен. Одной Одноглазой они не ограничатся.

Зачем она сказала это? У меня внутри всё сжалось. Я вспомнил, что я в игре, правил которой не знаю. И когда, и где будет нанесён следующий удар – неизвестно.

– Дня три у нас есть. Без глаза она не сможет быстрее добраться до Тридесятого, если только ... – Наташка замолчала.

– Что?

– Если только враг не где-то рядом.

Она подошла к окну, и я вспомнил.

– Да Наташ, шапка там, под окном.

Наташка глянула, и вскочив на подоконник, выпрыгнула в окно и через секунду уже лезла обратно. В руках у неё были половинки шапки с пятнами засохшей крови.

– То есть, шапку подобрали у шатра дозорных, и они ничего не заметили? Всё! Кончилась беспечная жизнь. Сегодня они будут наказаны.

Она дважды хлопнула в ладони.

Дверь со скрипом открылась, на пороге замер страж.

– Передашь Черномору и Илье; сегодня, после полудня, Совет. Иди!

Страж, пятясь, вышел из спальни, и закрыл за собой дверь.

– Одевайся, пойдёшь завтракать.

После завтрака она повела меня по Царскому Селу.

Мы шли, и я считывал названия, с детства знакомых мне, сказок, и смотрел на персонажей: живых, реальных. Не мультяшных, и не киношных.

– Курочка Ряба

Старик и старуха слонялись по двору, как неприкаянные.

– Чё это они?

Царица вздохнула – Курочку Рябу забрал, в Тридесатое, Карла. Ещё до меня. Вот они и сникли.

Мы вышли к полянке, на которой, размахивая булавой (эту булаву я бы и двумя руками не поднял), тренировалась баба. Ростом, явно более двух метров. Волосы, цвета спелой пшеницы, стянуты тряпкой через лоб, по типу банданы. Глаза голубые, как небо ранней весной. На щеках румянец. Одежда в платье из сукна. Мышцы перекачиваются буграми, а кулаки – четырёх моих не хватит!

– Это кто?

– Настасья Микулишна. Поляница, богатырша. Дочь Микулы Селяниновича. Жена Добрыни. Алёшка к ней неравнодушен.

Настя мне понравилась.

– А муж где?

– Добрыня сейчас в Тридесятом. Призвал Карла и не отпускает домой. Вот Алёшка и засикотил.

Заметив нас, Настасья перестала вращать булаву.

– Здравствуй Васса. Здравствуй и ты, принц заморский.

– Здравствуй Настя. Принц заморский ищет для любовных утех бабёнку поядрёнее, и ты ему поглянулась!

Без обиняков, выдала меня Василиса.

Настя смерила меня взглядом и захохотала.

– Уж не шутишь ли, Васса?

– А ты вот сама, у него, и спроси.

Настя смотрела на меня с улыбкой, почти презрительной. Рядом с нею, при своём росте в метр семьдесят, я выглядел мальчишкой. Не знаю, о чём думала эта бабища. Может захотелось позабавиться?

– Будь по-твоему, принц. Будут тебе утехы. Ежели поборешь меня.

Царица усмехнулась и глянула на меня. В её взгляде читалось – «Не ту бабу выбрал, Ромочка»

Не всё я рассказал Наташке. До поры, до времени открывать это, было нельзя. Но уж больно соблазнительна была Настёнка, и я рискнул, надеясь, что Наташка, всё равно, ничего не заметит.

– Хорошо Настя, будем бороться.

Она отшвырнула булаву. Расставила пошире ноги. Наклонилась вперёд и развела руки.

Казалось, что её не сдвинуть и бульдозером.

Я сморгнул.

Застыли её глаза, и перестали шевелиться губы. Я услышал свист ветра, и ощутил, как напрягся и завибрировал, уплотняясь, воздух. Я шагнул к ней, легонько коснулся пальцем её курного носишки, пересчитал веснушки, развязал бандану, и скомкав, засунул в вырез платья. Взъерошил волосы и, обойдя её, задрал подол платья. Она была без трусов! Подпрыгнул и, несильно, толкнул пяткой в жопу ...

Я опустился на землю, и время ожило.

Настя пролетела метра полтора, и рухнула на колени, и вытянутые вперёд руки. Проехала по траве ещё с полметра, и распласталась, ткнувшись лицом в траву.

– Не сильно ли ты зашиблась, Настёна? Не оцарапалась ли?

Настя села, так и не поняв, что произошло. Взъерошенные волосы закрывали глаза. Она сунула руку в вырез платья, достала бандану, и пялилась на неё. Платье было задрано, и я увидел, меж широко раздвинутых ног, рыжий пучок волос на лобке.

Наташка стояла в стороне и, видимо, тоже не могла понять, что произошло.

Я тронул Настю за плечо.

– Вставай. Пойдём. Я поборол тебя – подошёл к Наташке – Пошли в опочивальню. До ночи не дотерплю.

Настя шла за мной.

Бой-баба лежала голая, на кровати, с раздвинутыми ногами, и смотрела на меня. Наташка хотела уйти, но я не отпустил – Будешь смотреть!

Я разделся, и залез на бабищу. Я щупал её, и гладил титы. Я лизал клитор, и она выгибалась со стонами. Я сел на высокую грудь и покачался. Подвинулся и водил членом по её губам. Принудил лизать, и обсасывать мои яйца. И когда член затвердел, как палка, я захотел её в жопу.

– Ложись на живот! – приказал я.

Она послушно повернулась, и покорно ожидала.

Я сел на её жопу, и долго тёрся яйцами по ягодицам. Потом привстал, и ткнув головкой в анус, одним движением засунул в жопу. Бабища дёрнулась и застонала. Я вытаскивал член из жопы, и снова погружал. И она задрожала. И эта дрожь, и её покорность довели меня до исступления, и я грубо насиловал её, причиняя боль, и впивался пальцами в ягодицы, и долго, со сладострастием изливал, наслаждаясь её хриплыми стонами.

– Встань на колени!

Она послушно встала.

– Будешь отсасывать? – обратился я к Наташке.

Но Наташка отвернулась, не ответив.

Навалилась апатия, и я сразу потерял интерес к бабище.

– Уходите. Я спать хочу.

Они ушли, прикрыв дверь, и через пару минут я провалился в сон.

Глава X Пирожок Марьи Моревны

Разбудила Наташка.

Она тронула мою руку, и я открыл глаза.

– Ты всё проспидишь, милый. Пойдём, хоть пообедаешь.

– Сюда нельзя подать?

Я понимал, что веду себя отвратительно, но оправдывался тем, что скоро это закончится. И что там впереди ждёт? Одному Роду известно.

Она вздохнула – Хорошо, сейчас принесу.

Я удержал её – Не обижайся, ладно?

Таня качнула головой – Не буду.

Перекусив, и выпив чарку мёда, я снова захотел пройтись по Селу.

– В баньке вода горячая есть. Ты может хочешь ополоснуть?

Она выразительно повела глазами вниз.

– После анала? Да.

Мы шли по Селу, и дошли до крайней избы у самого леса.

– Мужик и Медведь – прочёл я.

Двора, как такового, не было. Стреноженная кобылка выискивала в траве люцерну, жевала и фыркала.

У телеги копошился мужичонка. Похоже снимал колесо для ремонта, и теперь ставил его на ось.

Я удивился – Это какой-то другой мужик? Того то медведь заломал.

– Нет в этой сказки двойников. Он и есть.

- Хочешь сказать, так действует Живая и Мёртвая Вода?
- Так и действует. Как в сказке.
- Источники Воды есть и в Тридесятном?
- Нет, только здесь.
- А посмотреть, можно?

– Они в лесу, и там стоит дозор. С сегодняшнего дня Алёшка и Микула заступили.

- Это наказание?
- Вообще то да, но ...

И тут я увидел дом.

Хоромы, с надписью – Марья Моревна.

Забор был высок, но ворота открыты. И у ворот стояла женщина. Одета была в синий, с короткими рукавами, прямой сарафан из сатина, собранный в мелкую складку по спинке и бокам. На вид лет тридцать семь, сорок. Шатенка с чёрными глазами. Без платка. Волосы собраны в косу. Лицо овальное, нос прямой, губы полные, уголки приподняты (всё это, я разглядел потом).

Заметив нас, кивнула головой.

- А почему она не говорит тебе здравствуй?
  - Она была царица. До меня.
  - Ты её скинула?
  - Нет. Её Иван- Царевич бросил. Несмеяной соблазнился.
- Она и отошла от тронных дел.
- Это при тебе было?
  - Нет. Но, видимо, перед моим появлением. Не знаю, как

ты собираешься её соблазнять. Она всё ещё ждёт его.

– Кощея, она пленила?

– Она.

– И он, когда говорит – Дорогая – имеет в виду её? Она же была его женой?

Мы подошли к забору, и тут я её и разглядел.

– Что ж ты так внимательно смотришь на меня, принц? Прямо ешь глазами? Уж не голоден ли ты?

– Голоден Марьюшка, твоя правда.

– Заходите в гости, угощу вас пирогами и чарку поднесу.

Она открыла калитку, и я вошёл. Наташка следом.

– Проходите в дом гости дорогие.

Она чуть наклонилась, не склоняя головы, и широко повела рукой.

Мы зашли в дом, и она провела нас в столовую избу.

Чарку я выпил, но есть не стал.

– Что ж не отведаешь моих пирожков, принц? Али не угодила я тебе?

– Ох Марьюшка, отведал бы я твоего пирожка, да боюсь милОго дружка?

У Марьи блеснули глаза – Пирожок тот с пылу с жару, но не всем даётся даром!

Я – Заплачу, уж так и быть, русский чай я, не татарин

Марья – Чем же ты меня одаришь? Златом-серебром по-манишь?

Или палочкой волшебной, моё сердце одурманишь?

Я – Заплачу тебе я лаской, поцелуем жарким, страстным,
К пирожку прильну губами, и пощупаю руками:
Не остыл ли пирожок? Хочешь палочку дружок?
Марья – Долго как я ожидала, палок год уж не бросала!
Будь же щедр мой дружок, брось мне палочку разок!
Пусть наградой тебе будет, мой горячий пирожок
Её грудь вздымалась, дыхание было тяжёлым, щёки и лоб
краснели, губы пересохли и она их уже дважды облизнула.
Я взял её за руку, и она встала, и потянула меня за собой в
постельную комнату. Не доходя кровати, она повернулась ко
мне и я обнял её, приподнял и, прижимая к себе, опустил-
ся на кровать, и рукой потянул вверх подол, другой щупал
грудь .. она сжимала руками мою голову и жадно целовала
губы, щёки, лоб, глаза ... чувствуя, что Наташка сзади, я бро-
сил – Раздевай меня! – и она стянула с меня трико вместе с
трусами. Я развёл ноги Марьи, и поднял, и положил себе на
плечи, и стоя на коленях, подхватил и приподнял её за жо-
пу, притянул к себе и насадил! Она выгнулась, и вцепилась
в мои руки, и притягивала меня. А я насаживал её, и про-
потевшее влагалище чавкало, истекая соком. И я выдернул
из неё член, и резко перевернул на живот, и сзади ввёл во
влагалище, и опираясь руками, глубоко и резко засаживал,
и она отвечала, дёргаясь навстречу, и лихорадочный ритм
фрикций, вразнобой, сменился в унисон, и она выдохнула
– Аааа!
и я сел на неё, и сжимая её плечи, втыкал член, вырывая

хриплые стоны, и она стала задыхаться ... один вдох следовал за другим, и она захлебнулась, и протяжно выдохнув, затихла. Но я ещё не слил, и продолжал всовывать в её расслабленную плоть, и сам застонал, и захрипел от наслаждения, изливаясь ...

Я сел. Из разверстой манды сочилась сперма. Трико и трусы были в руках у Наташки.

– Дай!

Она подала.

Марья шевельнулась, и повернув голову, проговорила – Жду тебя я мил дружок, приходи на пирожок, я тебе на пошок, дам послаще пирожок.

Я чмокнул её в ягодицы, пощупал муньку, измазав руку спермой, и обтерев сарафаном, встал – Идём!

Мы шли с Наташкой во дворец. На этот раз апатии и отвращения не было. Напротив, её откровенный намёк на анальный секс, распалял воображение и разжигал похоть. Член стал возбуждаться, и я остановился.

– Нет, хочу сразу!

И пошёл назад, к Марье. Царица шла за мной.

Она ожидала у ворот.

Мы вошли в дом, и она повела меня. Я шёл чуть сбоку, и она, желая взять меня за руку, наткнулась на торчащий член. Вздрогнула и остановилась. Я смял её и повалил на пол, задирая подол и шупая, и одновременно, пытаясь спустить с себя трико, но она предупредила меня, и сама встала раком,

прогнувшись в поясище, и выставив выше жопу, и ожидая внедрения, ласкала пальцем клитор, и я ткнулся с силой, звенящим, от напряжения, членом в анус, и она вскрикнула, дёрнувшись, и я нежно гладил её ягодицы, и она сама, двигая попой наткнулась на головку, и осторожными тычками, жопой назад, насадилась, и головка вошла в жопу, преодолев сопротивление, и она замерла в ожидании, и я медленно погрузил член, прижавшись животом к ягодицам, и ятрами к вульве ... задержался на секунду, и вытащил – Ооооох! – выдохнула она – Ещёоо! – и снова осторожное преодоление сопротивляющегося сфинктера, и медленное погружение .. задержка .. и назад – Ещёоо! .. и снова погружение, но уже быстрее и резче, и не вытаскивая весь, снова всаживаю – Аааааа! ... Аааа! ... Ааааа! ... – и я засаживаю Марье, и она царапает пол, и стонет ... стонет ... стонет протяжно, и я весь содрогаюсь в судорогах, и со стоном ...

Я лежу на полу. Она рядом. Глажу её руку, и нежно целую плечо.

– Ты свой сладкий пирожок, никому на посошок, не давай уж мой дружок.

Марья отвечает – Своей палочкой волшебной, ты меня оборотил, и мой голод, друг сердечный, ты сегодня утолил.

Я сажусь, натягиваю трусы и трико, и встаю. А Марья лежит, бесстыдно раздвинув ноги, словно маня к себе.

– Когда ты придёшь ко мне снова? Приходи! И днём и ночью буду тебя ждать, милый.

Я смотрю на её белые ноги, на чернеющий треугольник, и не могу отвести взгляд. И она, почувствовав это, поворачивается, и задирая сарафан, показывает мне бедро, оглаживая ягодицу, и повернувшись ещё, дразнит меня, качая попой сверху вниз, словно маня. И я встаю на колени, и ложусь под неё. И она опускается на меня промежностью, и трётся, размазывая по моим губам и щекам. И я вылизываю её, задевая языком клитор, отчего она вздрагивает и прижимается сильнее. И я засовываю язык во влагалище до спазма в горле и вращаю его, касаясь стенок. И она, лаская клитор, елзится по моим губам, и тянется, и скользит ручкой по моему животу, и мнёт мои яйца, и щупает меня, и поворачивается на мне, и опускаясь, припадает к члену, и жадно сосёт и облизывает его, продолжая елзить жопой и мандой по моим губам, и опять учащается её дыхание, и я ласкаю клитор, пуская слюну, целую взасос манду, и она, истекая слюной на мои яйца, сосёт и глотает, и заглатывает, и дёргаясь в конвульсиях оргазма, доводит меня в третий раз, и я кончаю в её ротик ...

Мы лежим валетом, и моя рука на её манде, а её рука сжимает мой опавший член.

– Так бы и провела с тобой остаток дня и ночь, так бы и миловалась с тобой ... возьми меня во дворец, буду прислуживать тебе, Василиса не посмеет тебе перечить.

– Я не против – говорит Наташка – Приходи, служи своему государю.

Мы не слышали, когда она вошла. Может и видела, как мы лобызались и катались по полу. Но мне всё равно. Моя похоть удовлетворена, и сейчас я хочу только одного: попариться в баньке, выпить пива, и завалиться в чистую постель с Наташкой.

Глава XI Вода Живая и Мёртвая

День закончился баней: Наташка меня помыла и напарила. Мы погуляли, постояли за воротами. Уже заблестела первая звезда на небосводе.

– Интересно, где здесь восток и где запад? Хотя, что интересного? – я говорил сам с собой. Наташка молчала – Восток на востоке, запад на западе.

– Идём – потянула она меня – страже пора ворота закрывать.

У крыльца стояла Марья – Я пришла служить тебе, мой государь – она склонила голову.

– Сегодня отдыхай, Марьюшка, а завтра послужишь.

– Дозволь мне провести ночь у дверей опочивальни?

Наташка не подавала никаких знаков, и я разрешил.

– Только зачем же у дверей, Марьюшка? Будешь спать со мной.

Втроём поднялись на крыльцо, стража расступилась, и мы вошли во дворец.

Во дворце, на стенах, были зажжены светильники и причудливые тени, отбрасываемые нами, напомнили детство, когда отключалось электричество и мать зажигала керосино-

вую лампу.

Ещё я любил зимой, на кухне, выключать свет, когда растоплена печь, когда пощёлкивают сосновые дрова, и смотреть, через щели дверцы топки, на ярко-жёлтое пламя, и от света, даваемого пламенем, на стене вытягивалась тень до потолка ..

У двери стояли два стража и Наташка приказала им, чтобы ночью охраняли окна опочивальни с улицы. Они ушли.

Я разделся и ходил голый по спальне, потом лёг в кровать.

– Принеси чай! – сказал я, ни к кому не обращаясь, но Марья тут же ушла.

Она принесла самовар и кружки, и варенье с мёдом, и я сидел в кровати, а она поила меня чаем. Она прислуживала, и похотливые желания роились в голове.

– Достань горшок.

Она отнесла на столик чай, и вернувшись, опустилась на колени, и пошарив рукой, достала горшок.

Я встал – Хочу на горшок – опять, ни к кому, напрямую, не обращаясь.

– Ну? – сказала Наташка.

– Не ссать.

– Ну, и? – опять Наташка.

– При вас?

– Интересно! – снова Наташка – Ты трахал нас в жопу, и не стеснялся. А здесь прям застенялся?

– Но ты же сказала, удобства на улице.

– Не ночью же идти за удобствами. Иди на горшок!

– Как скажешь – и я сел на горшок.

Закончив, спросил – И чем же подтереться?

– Трусами.

Я подтёрся.

– А горшок? Здесь будет стоять?

– Я вынесу и состирну – Марья взяла горшок и трусы, и вышла.

– А если б не Марья – спросил я у Наташки – ты бы пошла стирать мои трусы, и выносить горшок?

– Куда б я делась, мой государь? – усмехнулась она.

– Наташ, ты тоже можешь делать – это, в моём присутствии.

– Я делаю – это, утром. В удобствах на улице – ответила она.

Пришла Марья. Мы закрыли дверь и легли в кровать. Я лежал на спине, а они, положив свои головки на мои плечи, гладили меня, и я не заметил, как заснул. Проснувшись утром, я не нашёл женщин рядом с собой и лежал, ожидая их, зевая и потягиваясь.

Они зашли вместе.

– Ты хотел посмотреть источник Живой и Мёртвой Воды?

– Да – я сел в кровати.

– Тогда одевайся, позавтракаешь и поедем.

– Вдвоём?

– Нет – ответила Наташка – с нами поедут Настасья и Ма-

рья. Принеси ему завтрак – приказала она Марье.

Марья ушла, я встал и оделся, и потянувшись за кроссовками, вспомнил – Да Наташ, есть какая-нибудь обувь? А то потеют ноги в кроссовках.

Она открыла шкаф и достала лапти из берёзового лыка – Примерь.

Я обулся в лапти, прошёлся и попрыгал – Лёгкие и удобные. Спасибо, дорогая.

Кроссовки я сунул в шкаф.

Мы выехали за ворота, когда солнце уже начинало припекать.

У меня, под седлом, был мой старый друг, Серко. Который фыркнул, когда его подвели, и мне показалось, что он вспомнил мой конфуз накануне.

Женщины были одеты почти одинаково: на всех троих были исподки из некрашеного холста, доходящие до щиколоток, перевязанные шнурком по поясу, а поверх рубах, запоны¹ из толстины², подпоясанные кожаными ремнями: у Настасьи красного цвета, у Натальи – зелёного, а у Марьи чёрного. Настасья была обута в поршни (подобие лаптей, но вместо лыка цельнотянутая сыромятная кожа), Наталья и Марья были обуты в скорни (подобие полусапожек) тоже из цельнотянутой сыромятной кожи. У Натальи, к седлу, была приторочена кожаная сумка.

---

¹ Передник, фартук

² Домотканый кусок грубого холста

От ворот мы поехали не в сторону дозора и рубежей, а в обратную. Дорога была натоптана, но ездили по ней не часто.

– Как долго до Источника?

– Пол дня – ответила Наташка.

– Мы там заночуем?

– Нет – Наташка была неразговорчива.

Настасья ехала впереди. Рядом со мной Наташка. За нами Марья.

Настя была вооружена мечом и палицей. У Марьи лук, с колчаном стрел.

У нас с Наташкой оружия не было. Не было на нас и кольчуги, и я решил, что на пути, к Источнику, у нас не ожидают приключения.

– Ты как? – я дотронулся до живота Наташки.

– Пока всё хорошо – она улыбнулась – пока не беспокоит.

Когда за спиной исчезли башенки Наташкиного дворца, на горизонте, тёмной полосой, выступил лес.

– Дремучий? – усмехнулся я.

– Тёмный – покачала головой Наташка, и поддёргнув поводья – Нноо! – пустила своего жеребца рысью.

Лес действительно был тёмный. Как только мы углубились в него, стало сумрачно и прохладно.

Первой ехала Настасья, уверенно отыскивая тропу.

Сколько я ни присматривался, никаких следов, и никаких приметок не смог обнаружить. Часа через полтора езды лесом, остановились у ручья, и напоив коней, напились сами и

ополоснули лица. Вода была холодной и на вкус сладковатой.

Женщины сходили в кусты, я ссать не хотел.

– Немного осталось – сказала Наташка – отдыхать не будем.

Всё чаще, вместо пихты и берёзы, встречались осинки и, наконец, мы выехали на обширную поляну, залитую солнечным светом.

Посреди поляны стоял шалаш, сложенный из стеблей осоки и рогоза, обложенный поверху пихтовыми лапами. На краю поляны паслись стреноженные кони.

Алёшки с Микулой видно не было.

Но как только мы тронулись к шалашу, перед нами, словно из-под земли, вырос Алёшка, а позади, вышел из лесу Микула.

Мы спешили, приветствуя друг друга, а Микула обнял Настю.

– Зачем пожаловали? – спросил Микула.

– Наталья достала из сумки две скляницы – За водой. Думаю, скоро понадобится.

– Где же источник? – удивлённо осматривался я.

– На источник наложено заклятие, и он невидим – ответила Марья.

– И я не увижу?

– Увидишь. Идём.

Марья взяла из рук Наташки скляницы и пошла к лесу. Я шёл следом. Мы прошли через плотный ряд осин, стоящих

почти вплотную и перед нами простёрлось болото: вязкое, мрачное, холодное.

Марья поставила скляницы в траву, и сцепив руки, и закрыв глаза – застыла.

Я видел только, как шевелились её губы, как потемнело и закаменело её лицо. Она вскинула руки, словно птица и, опуская их, наклонилась, коснувшись ладонями травы.

Сначала я услышал журчание, а потом и увидел их: в двух шагах от меня появились два источника, обложенные камнями. Я заглянул в один, второй. Вода. Вода, но разная.

В первом хрустально-чистая, неподвижная, и лишь сочится из-под камней.

Во втором – тёмная, с водорослями, множеством чёрных, крупных, похожих на кремний, камней, движется по кругу и, с весёлым журчанием, вытекает, образуя ручеёк.

– Догадался? Где Мёртвая, а где Живая – улыбалась Марья.

– Эта Живая – указал я на второй, весело журчащий источник.

Марья взяла скляницы и набрала в них воды из источников. Плотно закрыла пробки, поставила в траву, и выпрямившись, застыла, шевеля губами. Источники исчезли и стало тихо, мрачно, и холодно.

Мы посидели в шалаше у дозорных, отдохнули и засобирались в обратный путь.

Алёшка всё взглядывал на Настасью, но она игнорировала

его, и даже не улыбнулась, и не обмолвилась словечком.

Мы уже были верхом, когда Наташка спросила – Всё тихо? Ничего подозрительного не замечали?

Ответил Микула.

– Как будто, кто-то, похаживал вокруг. Шуршала трава, но следов не было. Потрескивал валежник, но никого не видели. Ночью – тишина.

– Хорошо – бросила Наталья – Времена наступают тревожные. Завтра вас сменят дружинники дядьки, а вы снова в дозор. К рубежам.

Богатыри заулыбались, а мы двинулись в обратный путь.

Глава XII Оборотни

Доехав до ручья, ещё раз напились из него, и не отдыхая двинулись дальше.

Было тихо. Не пели птицы, не встречалось лесное зверьё. Ехали в том же порядке: впереди Настасья, мы с Наташкой, и замыкающей – Марья. Когда выехали из лесу, солнце клонилось к закату. Я отпустил поводья и расслабился. Серко шёл размеренным шагом и, вдруг, споткнулся. Наталья успела поддержать меня, предупредив падение. Я подобрал поводья и сжал круп коня. И вовремя. Серко снова споткнулся.

Подъехала Марья и женщины переглянулись.

– Стой, Серко – негромко скомандовала Наталья – Настя. Настя развернулась и подъехала к нам.

– Пересаживайся к Насе – приказала мне Наташка и перехватила у меня повод.

Было какое-то недоброе предчувствие. Но я связывал это с ночным нападением Одноглазой. А теперь я увидел, как изменились лица у всех троих, и мне стало не по себе.

Я соскочил на землю и подошёл к Насте. Она протянула руку и легко, одним рывком, подняла меня. Я перекинул ногу через круп коня, Настя обхватила меня правой рукой, слегка прижав к себе, и мы поехали.

Теперь впереди была Наташка, мы с Настей посредине, Марья сзади.

Мы ехали, покачиваясь в седле, и спиной я чувствовал Настину грудь, а её лобок тыкался в мой крестец.

Через некоторое время Настя задышала в мой затылок, а её, обнимавшая, рука дрогнула и сдвинулась к моему паху.

Я привстал, опираясь на её ноги в стременах, развернулся, и сел лицом к Насте, уткнувшись в грудь. Она прижимала меня к себе, а я подтянул полу исподки, и запустив под неё руку щупал Настю. Волосы на лобке были влажные, а губы раздвинуты, и я погрузил пальцы в горячую мякоть, и возбуждался. Настя ёрзала в седле, и приподнявшись, я спустил с себя трико с трусами, и опустившись, сдвинулся к ней. Она привстала, и когда член ткнулся в губы, двинула жопой и я вошёл в её плоть, уже пропотевшую. Её рука подхватила меня и двигала. Она трахала себя, мною, а я жамкал её ягодицы, прижимаясь к груди.

– Йохоооо!

От воинственного клича Марьи, вздрогнула Настя и тис-

нула круп коня. И он, без понуканий, пустился крупной рысью.

Теперь не надо было двигаться ни мне, ни Насте: мой член входил в её вагину, и выходил, подчиняясь ритму скакуна.

Но позади, за нами, что-то происходило. Я оторвался от Настиной груди и глянул через её плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.